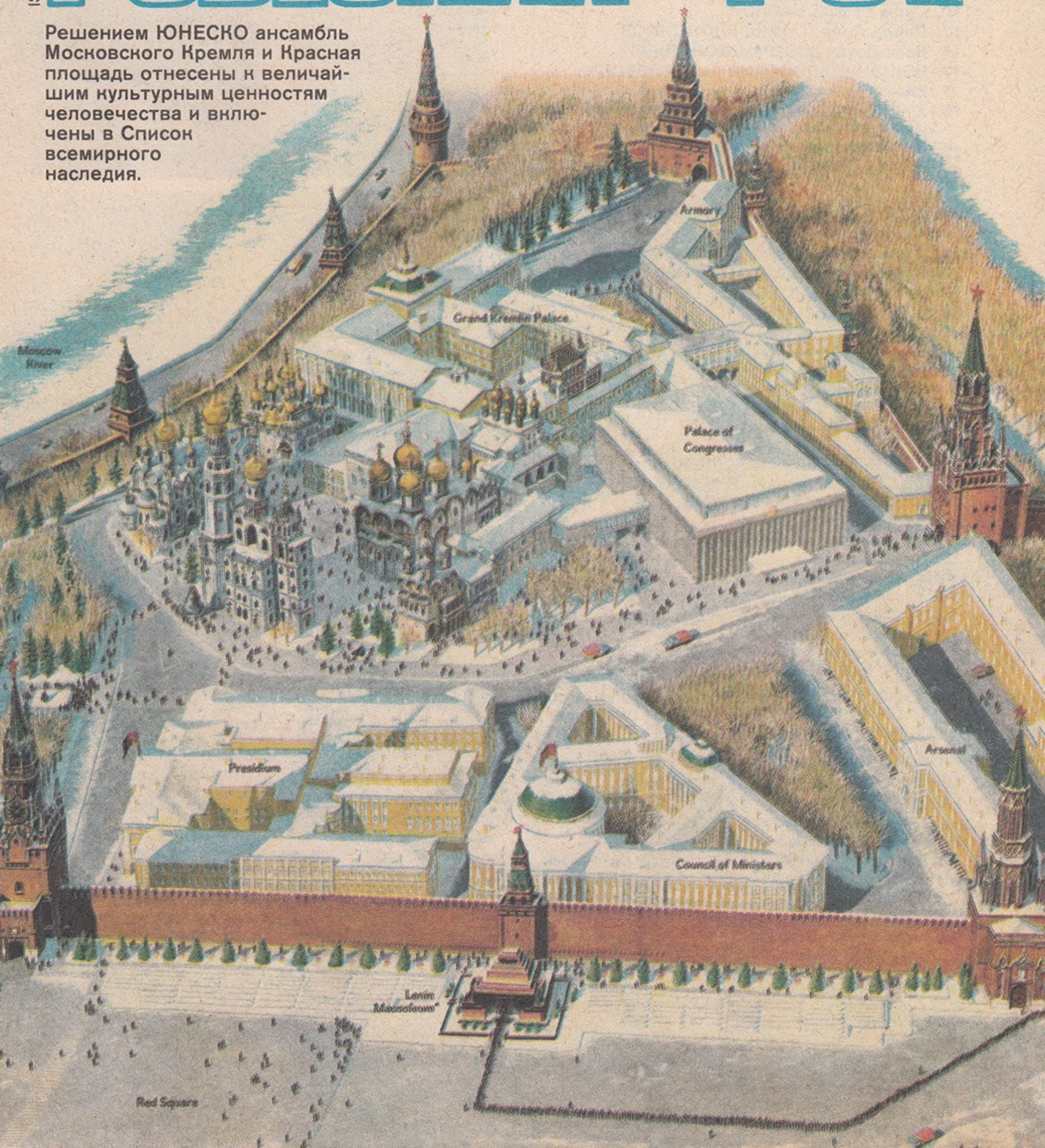
РОВЕСНИК 4'91
АПРЕЛЬ
ISSN 0131-5994
Решением ЮНЕСКО ансамбль Московского Кремля и Красная площадь отнесены к величайшим культурным ценностям человечества и включены в Список всемирного наследия.
Moscow River
Armory
Grand Kremlin Palace
Palace of Congresses
Presidium
Arsenal
Council of Ministers
Lenin Mausoleum
Red Square

В НОМЕРЕ:

РОВЕСНИК 4'91 АПРЕЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА
Учредители:
Журналистский коллектив редакции ЦК ВЛКСМ
ИПО «Молодая гвардия»

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.
Сдано в набор 08.02.91. Подписано в печ. 22.02.91. Формат 84 x 108 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 2. Усл. печ. л. 3,36. Усл.-кр. отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 2 105 000 экз. Цена 50 коп. Зак. 2019.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ШКОЛА ДЛЯ АРИСТОКРАТОВ

Скорее похожие на лордов, чем на школяров, мальчишки ходят во фраках и при встрече с учителем вместо того, чтобы сказать «здравствуйте», поднимают указательный палец. Учитель, а точнее метр, тоже поднимает палец в ответ.

Словно в сюрреалистической сказке Льюиса Кэрролла, все кажется нереальным в этой самой древней английской школе, расположившейся в прекрасном старинном замке; но впечатление обманчиво: Итон по качеству образования является лучшей школой в Англии.

Итон, основанный 550 лет назад королем Генрихом VI,— самая престижная английская школа: ее выпускникам гарантируется высокое положение в обществе. «Да, это привилегированная школа,— соглашается ее директор Эрик Андерсон,— я ничуть не стыжусь ратовать за элитарность. Элитарность в моем понимании есть стремление к высочайшим стандартам».

Здесь учатся дети из очень богатых семей, обучение стоит огромных денег. И все-таки 250 мальчиков из 1270 всех учащихся школы не могут похвастать богатством родителей: как особо одаренных детей Итон взял их на свое частичное обеспечение.

Под внешней архаикой строений Итона скрывается суперсовременная начинка: компьютеризированные классы, спортивный зал (где, помимо прочих видов спорта, школьники овладевают восточными боевыми искусствами), отвечающий олимпийским требованиям. Из расписаний уроков постепенно исчезает латынь, вместо нее появились такие языки, как арабский, японский и суахили. Школьники издают газету, где публикуют свои статьи о нашей перестройке и литературные эссе о творчестве Салмана Рушди. В школьном театре ставят пьесы Лопе де Вега.

Свой юбилей итонцы отметили традиционной игрой в «стенку»: команда на команду, стенка на стенку, кто кого оттеснит. Жестокий спорт. Двадцать аристократов возятся в грязи, стараясь раздавить друг друга. Наносить удары запрещено, но можно «оказывать силовое давление», например, давить кулаком на лицо противника. В свое время в этой игре крепко намяли бока великому английскому поэту Шелли.

На снимке вверху: итонцы.

РАЗВЕДЧИКИ-МАЛЬЧИШКИ

«Истинный путь к счастью — приносить счастье другим. Попытайтесь сделать этот мир лучше, чем он был до вашего появления, и, когда пробьет ваш час, вы сможете уйти из него с чистой совестью, с чувством выполненного долга: вы не растратили время даром, а сделали то, что было в ваших силах» — так завещал своим воспитанникам лорд Баден Пауелл, генерал кавалерии, основатель бойскаутского движения.

Жизнь у лорда была полна приключений и смертельных опасностей: он служил в Индии, Афганистане, Южной Африке и на Мальте. Вернувшись из странствий на родину, генерал заскучал. Его героический и поучительный жизненный опыт искал себе применения. Однажды генералу пришла в голову мысль устроить военный лагерь для мальчишек.

И вот в 1907 году на остров Браунси у южного берега Англии генерал привез двадцать мальчишек. Они установили палатки, сами варили еду на костре, охотились, учились ориентироваться на местности, обследовали остров, закалялись в холодной воде. Ребята даже издавали свою газету «Скаут» («Разведчик»).

С этого момента походная жизнь с мальчишками стала любимым занятием пятидесятилетнего генерала. Слава о скаутах — именно такое прозвище прилепилось к воспи-

танникам лорда Баден Пауелла — мгновенно облетела Англию.

Сэр Баден Пауелл ставил перед собой цель не только физически развить мальчишек, но и помочь им самим научиться заниматься самообразованием и нравственным самосовершенствованием. Хобби генерала привлекло внимание английского короля Эдуарда VII. Король посоветовал генералу уйти в отставку, чтобы полностью посвятить себя работе с детьми. Этим, считал король, он принесет гораздо больше пользы отечеству, нежели просто службой в армии. Так, с благословения английского короля возникла новая организация — «Бойскауты», вскоре переросшая во всемирное движение. Сегодня оно охватывает 160 стран, насчитывает 16 миллионов добровольцев. Помимо походов и военных игр, бойскауты ухаживают за больными и престарелыми, ездят с благотворительными миссиями в развивающиеся страны, участвуют в мероприятиях по спасению окружающей среды.

На снимке внизу: лорд Баден Пауелл осматривает свои «войска».

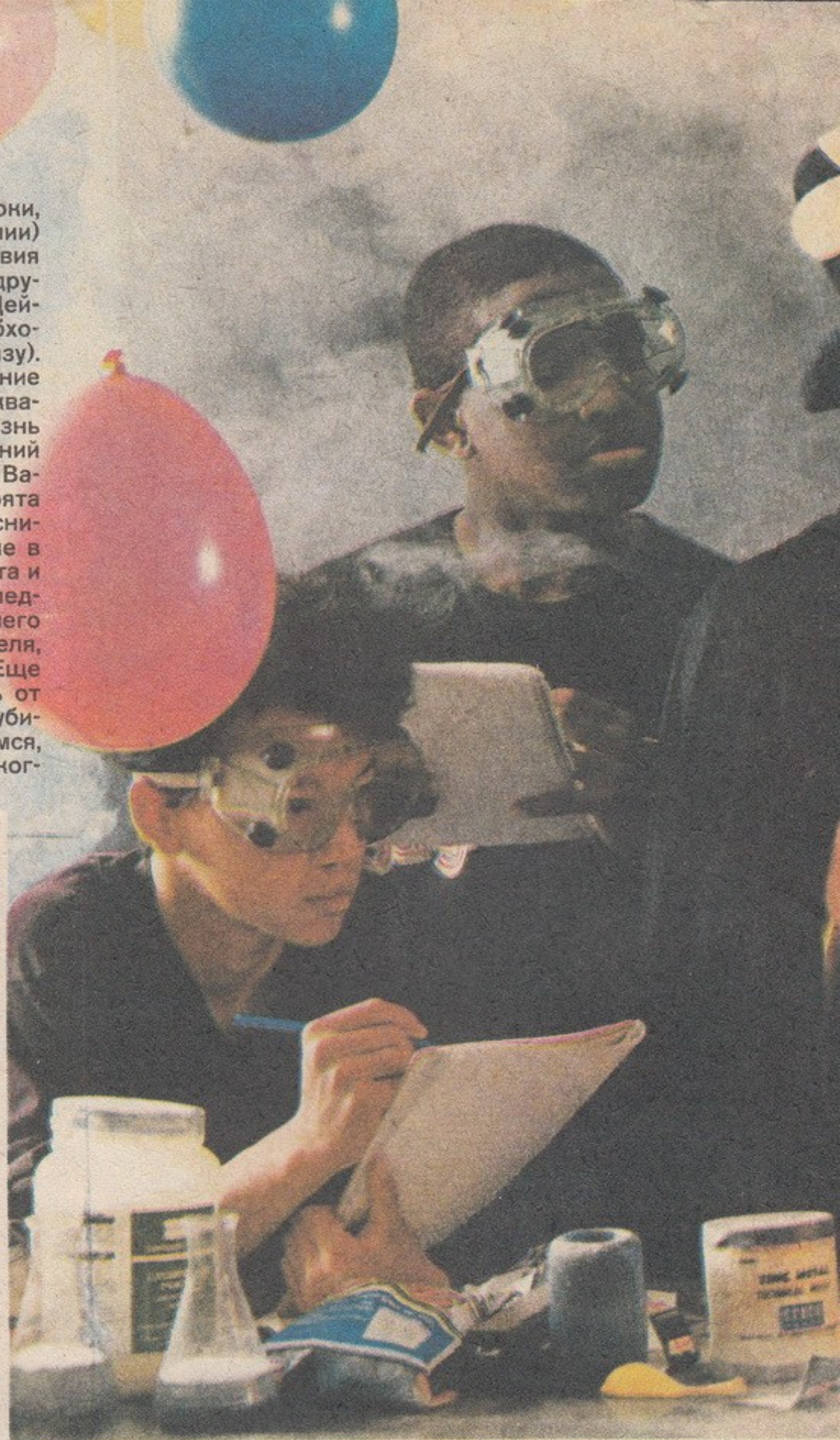
ЖИТЬ СТОИТ!

Очаровательная, жизнерадостная Даниэла Ютцелер из швейцарского городка Литтау, как и многие ее соотечественники, увлекалась горными лыжами. Однажды, доставая из шкафа свой лыжный костюм, она нечаянно уронила стоявшее там отцовское мелкокалиберное ружье. Раздался выстрел, пуля попала в позвоночник. Эта нелепая трагическая случайность приковала Даниэлу к инвалидной коляске. По-настоящему понять, что это такое, когда красивая восемнадцатилетняя девушка вдруг становится инвалидом на всю жизнь, может, наверное, только человек, который сам пережил подобное. По дороге в госпиталь Даниэла думала, что все кончено и жить вообще не стоит.

Но она вернулась в спорт, занимается спортивной ездой на инвалидной коляске. Тренировочные нагрузки мало чем отличаются от обычных: десять тренировок в неделю, по десять-двадцать километров за каждую. На чемпионате мира для спортсменов-инвалидов Даниэла заняла призовые места на четырех дистанциях и привезла домой две золотые, одну серебряную и одну бронзовую медали. Но потом на Берлинском марафоне коляска Даниэлы столкнулась с коляской соперника, спортсменка упала на обочину дороги, отделавшись, к счастью, несколькими царапинами. Зато коляска оказалась изрядно поврежденной, и продолжать на ней соревнования было уже невозможно. Так что в тот раз в Берлине завоевать медаль Даниэле не удалось. Зато удалось завоевать сердце одного из канадских участников марафона. Даниэла признается, что тоже влюблена, но имя избранника сообщить пока отказывается: слишком рано. Хотя улыбается при этом радостно и уверенно. Не исключено, что любовь поможет Даниэле стать победительницей на Олимпийских играх для спортсменов-инвалидов в 1992 году в Барселоне, к которым она теперь активно готовится.

На снимке в центре: Даниэла Ютцелер.

Смотрите:

Нет, это не клоун, а учитель средней школы в Милуоки, США. Алан Савицки ведет обычный (в его понимании) урок физики, демонстрируя учащимся принцип действия двигателя внутреннего сгорания (снимок вверху). А другой преподаватель начальной школы в Вирджинии Дейвид Берчфилд на уроках биологии предпочитает обходиться без учебников и без лекций (снимок слева внизу). Его ученики могут потратить весь урок на сочинение рассказа о тропической рыбе, живущей в классном аквариуме, или на дискуссию о том, чем отличается жизнь растений от жизни людей. Мэриан Пейффер (соседний снимок), учительница начальной школы в Бельвю, Вашингтон, каждое утро проводит урок-телешоу: ребята выступают перед телекамерой. А Мейвил Родригес (снимок внизу в центре) преподает в начальной школе в Майами хореографию. Ребята изучают основы балета и еще как танцевать менуэт и народные танцы. На последнем снимке Джин Уиртцер обучает навыкам домашнего хозяйства детей-калек. Разные школы, разные учителя, но на всех снимках одинаково веселые лица детей. Еще бы! Как сказал Дейвид Берчфилд: «Мы отказались от принципа соревнования и оценок в школе, который убивает в некоторых детях веру в свои силы. Мы стараемся, чтобы школа была для них таким местом, где они никогда не терпят поражений».

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА.

Двенадцать лет, с 1933-го по 1945-й, немецкий писатель Эрих Кестнер был вычеркнут из немецкой литературы. К 1945-му у него «уже было два романа в голове». Оставалось только записать их и издать. Но в освобожденной Германии он внезапно избрал иной путь. В те годы он написал десятки статей и эссе, которые печатал в «Новой газете» и в журнале для молодежи «Пингвин». Умонастроения молодых людей, успевших хлебнуть нацистской идеологии и очутившихся в безрадостном мире послевоенной разрухи, тревожили и волновали его. Он, избегавший громких слов, которыми так похабно злоупотребляли нацисты, писал незамысловато и просто. Вместе со своим читателем он пытался нащупать перспективу.

Кестнер, уже пожилой человек, понимавший, что ему осталось не так уж и много лет жизни, знал, что работает не «для вечности», не для «большой литературы», а на потребу дня. В истории остаются большие романы. Газетные статьи живут день и месяц. Кестнер поэтому назвал сборник своих статей, рассказиков и эссе «Ежедневный хлам».

Его прогноз сбылся. Его коротенькие, в 2—4 странички, заметочки, прямо с письменного стола шедшие в набор, сделали свое дело и тихо отошли в небытие. В своих статьях Кестнер писал о разрухе, о связи экономического кризиса с общественной моралью, о желании многих немцев уехать из страны, у которой, казалось, было безнадежное будущее, о падении и возрождении немецкого характера. Все это было неактуально в ФРГ, превратившейся из места разрухи в место процветания, из места, откуда бегут, в место, притягательное для людей многих стран. Да и для нашего читателя, владевшего немецким, «Ежедневный хлам» Кестнера еще пять-семь лет назад был бы не очень увлекательным чтением. Что могло быть для нас увлекательного в далеких трудностях страны с рухнувшим тоталитарным режимом? Наш-то — стоял.

Но история выкинула свой очередной трюк. То, что писалось на день или даже на час, для немецкого читателя, вдруг через сорок пять лет ожило и стало актуальным в той стране, о которой Кестнер вряд ли думал, когда писал свои статьи. История и футурология перепутались. То, что еще вчера воспринималось нами как чье-то прошлое, сегодня становится нашим настоящим и будущим.

А. Поликовский.

Эрих КЕСТНЕР, немецкий писатель

ЕЖЕДНЕВНЫЙ ХЛАМ

СКРОМНО И СМЕЛО

Прошел уже почти год с тех пор, как война и случай забросили меня в Южную Германию. И вот, сидя в квартире, которую сдали мне чужие люди, за письменным столом, который мне не принадлежит, я смотрю в окно и вижу маленький жалкий садик за утыканной кучами мусора улицей. Садик разбит перед остатками виллы, выглядящими как обглоданная кость, которую выплюнул огонь войны. Из развалин торчат три трубы. На одной, как будто специально повешенная туда огромная гармонь, качается ржавая батарея, а на другой, на два метра выше, зацепившись тонкими, перепутанными железными проводами, висит отопительный бойлер. Он похож на бессмысленно парящий в воздухе, чересчур большой сосуд, в который натуралисты собирают насекомых. Ночью, когда ветер дует вдоль улиц, что-то так рвется и скрипит в бойлере, что я просыпаюсь от этого дикого шума и часами не могу заснуть.

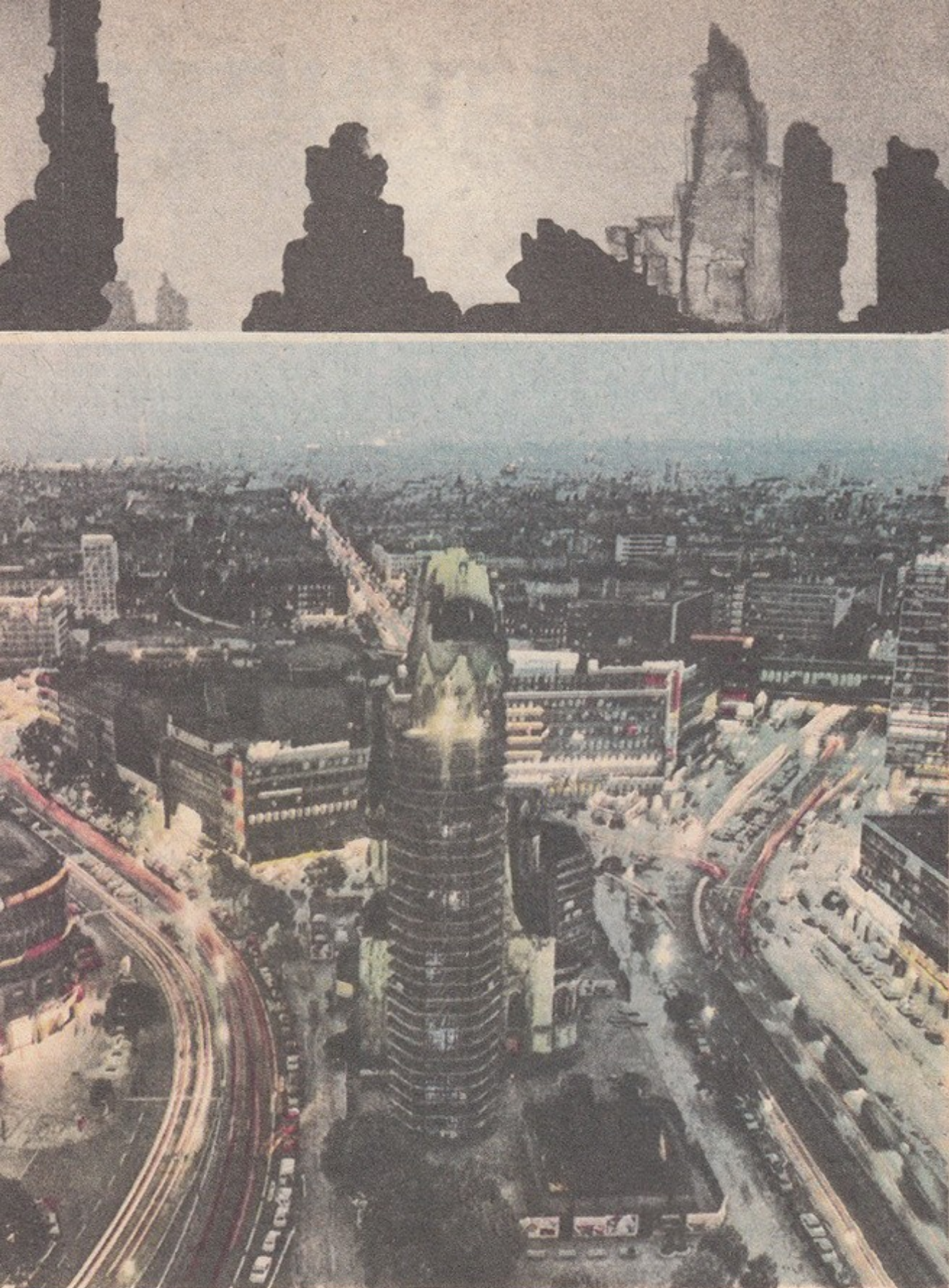
Сейчас, в полуденный час, бойлер висит тихо. И я вижу, как черный дрозд уселся на него, открыл желтый клюв и поет. Это небольшая репетиция перед запланированным, давно объявленным в календаре весенним концертом. Птицы ищут для своих упражнений в пении местечки повыше. Будь это крыша мирного и благочестивого загородного дома, где живет священник, сладко покачивающаяся ветка или разбитый бойлер, который, вообще-то говоря, относится к кухонному оборудованию, а не к миру Божьей природы. Но дроздам это все равно.

Природа не обращает никакого внимания на проигранную нами войну и на давно грозившую нам и наконец разразившуюся катастрофу. Скоро меж развалинами заструится весенний аромат. А на лужайке перед Академией искусств, где три тяжело раненных осколками черных и немного растерянных чугунных льва лежат в траве, скоро зацветут цветы.

Птицы поют свои песни, и они поют их на высоко парящих в воздухе бойлерах, если нельзя иначе. И если нельзя иначе, то весна пустит свои побеги меж развалин домов и продырявленных львов. Природе нет дела до истории. Она делает свое дело, не думая ни о чем.

Но человек — существо думающее. Он только частично исчерпывается природоведением. Его дома не вырастают сами, как у термитов. Белый хлеб и говядина не летают сами собой вокруг него, как комары вокруг ласточек. И шерсть растет у него только на голове, а не по всему телу, как у зверей в лесу. Большую часть того, что ему нужно, он должен добывать своим трудом и своим разумом. Если только он не предпочтет отнимать это у других силой. Если же другие начнут защищаться, получат помощь и отплатят ему той же монетой, то дела его пойдут так же, как у нас в последние годы. И однажды он очутится между развалин, в нищете — как мы сейчас. И тогда для него настанет время одуматься — как для нас сейчас. Понять, что ему надо приложить все силы, чтобы выбраться из тупика, в конце которого он стоит. Что он не должен стоять, положив руки в карманы, и лениво пожимать плечами. Но что он должен проложить новые пути. Смело и при этом разумно. Скромно и при этом мужественно.

Мы делаем новую попытку восстановить нашу страну, мы вступаем в соревнование с весной и летом, которым легче, чем нам. Для нас речь идет не только о кирпичах, гипсе, ввозе шерсти, посадках картофеля, древесине, иглах, ранних овощах и дополнительном налогообложении — но еще и о нашем характере. Мы должны восстановить наши добродетели. Для восстановления ценных и не падающих в цене качеств нам не нужны ни разрешения на ввоз, ни зарубежные кредиты — хотя эти качества являются важнейшим подспорьем для восстановления страны. Когда Генрих Гиммлер в одной из своих последних речей требовал от женщин, чтобы они лили на ворвавшегося в город врага кипяток из окон, то он требовал не мужества, а глупости и сумасшествия. Он знал, что война проиграна и что с несколькими ведрами горячей воды в руках не уничтожишь вражеских танков. Тот, кто хочет бороться с танками горячей водой, тот не смелый человек, а человек с придурью. И когда Йозеф Геббельс требовал от жителей больших городов, чтобы они выдерживали вражеские налеты в подвалах с непоколебимой германской волей к победе, то он требовал от нас не смелости, хотя и говорил о ней. Если больше нет самолетов, бензина и зе-

ниток, то война проиграна. Фразами о воле к победе не разгонишь чужих эскадрилий. Эти люди — в то время как они сами уже искали в своих пиджаках ампулы с цианистым калием — отвратительнейшим образом потешались над немецким народом. И они знали, что могут делать это безнаказанно, потому что они знали наш характер, они изучали его, едва только пришли к власти, и они систематически насиловали его, когда стояли у власти, применяя громкие фразы, плетку и пряник. Самая интересная и самая печальная книга, которую напишут о «третьем рейхе», будет посвящена искажению и извращению немецкого характера. Никогда еще в нашей истории не бывало столь мощного наступления на человеческие добродетели. Никогда ранее не карались так жестоко такие качества, как гражданское мужество, честность, принципиальность, сочувствие и набожность, никогда раньше не вознаграждались столь безгранично и столь открыто такие пороки, как наглость, подобострастие, продажность, предательство и глупость.

Все американцы, которые должны были общаться со мной по долгу своей службы, спрашивали меня, почему я оставался в Германии, несмотря на то, что все эти двенадцать лет находился под запретом. Ведь я мог бы, если бы эмигрировал, вести в Лондоне, Голливуде или хотя бы Цюрихе безопасную и приятную жизнь. И не все из тех американцев, которые расспрашивали меня по делам службы, поняли и оценили мой ответ. А я им ответил: «Писатель должен знать на собственном опыте, как народ, к которому он принадлежит, переносит свою судьбу в трудный час. Только прямая опасность для жизни оправдывает отъезд за границу. А так — так его профессиональным долгом является идти навстречу всякому риску, если только он таким образом становится свидетелем происходящего и получает возможность однажды впоследствии оставить письменное показание».

Итак, я двенадцать лет был свидетелем. Я пережил на собственном опыте, как трудно было немцам сохранять их добродетели и как легко удавалось некоторым отказываться от них. Но я знаю также, что не правы те, которые заявляют сегодня, что мы, немцы, окончательно лишились способности чувствовать, как все люди, и действовать, как демократы.

Мы докажем им, что они ошибаются! Мы отстроим Германию заново, а начнем с нашего характера.

1946

О ВЫЕЗДЕ

В те дни, когда в Берлине горел рейхстаг (вот уже четырнадцать лет прошло с тех пор), я приехал в Цюрих из Мерана, чтобы встретиться с одним немецким издателем. Он посоветовал мне оставаться в Швейцарии; и кое-кто из коллег-писателей (среди них была Анна Зегерс) разделял это мнение. Немецкие информационные агентства сообщали, что коммунисты подожгли рейхстаг. Но всем было ясно, что это всего лишь провокация Гитлера, который хочет освятить запланированные насильственные акции «правом на оборону». Он приписал этот поджог своим политическим противникам, чтобы потом представить их уничтожение как самооборону. Мое желание все-таки, и несмотря ни на что, вернуться в Берлин живо обсуждалось в маленьком цюрихском кафе.

Незадолго до того часа, когда мой поезд должен был уйти из Цюриха, на соседний путь прибыл скорый из Германии. Десятки знакомых и товарищей по ремеслу очутились на перроне. Все они бежали в одну ночь. Поджог рейхстага они восприняли как знак, которым нельзя пренебрегать. Узнав о моем намерении, они присоединили свои голоса к предупреждающему хору друзей. Но я все равно вернулся в Берлин и в последующие дни постарался удержать друзей и знакомых от отъезда за границу. Я убеждал их оставаться. Это наш долг, к этому побуждает нас наше чувство вины (говорил я) — подставить собственные лбы новому режиму. Победа этого режима и ее ужасные последствия (говорил я), конечно, станут невыносимы, если разом уедут все представители фронды. Но они не слушали меня. Если бы в те дни они прислушались к моим словам, то сегодня все они скорее всего были бы мертвы. Их имена вместе с другими именами стояли бы в списках жертв фашизма. Как только я начинаю думать об этом, меня охватывает ужас. Что, если бы мне тогда удалось уговорить хотя бы когонибудь одного, а его бы потом пытали и замучили бы до смерти? Я был бы виноват...

Почему я рассказываю об этом? Чтобы стало понятным, почему я теперь не рискую советовать людям, когда они собираются принять важное решение (даже если эти люди — мои ближайшие друзья). Я имею право требовать жертв во имя идей только от одного человека на Земле: от себя самого. Я знаю, что это довольнотаки ограниченная, жалкая позиция. Но у нее есть одно преимущество: она честная. У генералов, партийных ораторов и основателей сект нервы посильнее моих, кожа потолще — и воображение у них развито слабее, чем у меня. Коли надо, они готовы пустить в дело и других людей. Я — не могу.

На этом основано мое отношение к вопросу, волнующему в сегодняшней Германии бесчисленное количество людей, среди которых много молодых. Это вопрос о том, не должны ли они (если представится возможность) уехать из страны. В шестом номере мюнхенского журнала «Призыв» можно прочесть: «Вот в чем суть дела: большое количество молодых немцев твердо намерены покинуть Германию, как только представится малейшая возможность к этому». И еще: «Среди восьмидесяти опрошенных молодых людей мы не обнаружили ни одного, который бы уже не выбрал свою будущую родину и не мог бы показать ее пальцем на карте». Действительно ли желание покинуть затонувший корабль распространилось так широко? Я надеюсь, автор преувеличивает. Одновременно я боюсь, что он прав. «Уже только одно их намерение,— пишет он,— доказывает, что это молодое поколение потеряло желание участвовать в жизни Германии». Потеряло желание? Это звучит убийственно. Это звучит так, как если бы кто-то сказал: «Мои родители потеряли свое состояние, поэтому завтра я подыщу себе парочку новых родителей!» Раньше я изо всех сил боролся с таким настроением. Сегодня? Сегодня я пожимаю плечами и смотрю в окно на происходящее в стране. Если молодые люди заявляют: «Мы хотим уехать из этой превращенной в развалины и переполненной людьми страны, чтобы поискать наше счастье в других краях», то у меня нет никакого права преграждать им путь. В 1933-м я требовал от других, чтобы они рисковали своей жизнью. Сегодня я не могу позволить себе требовать, чтобы они рисковали хотя бы своим материальным благополучием. Это не мое, это их дело.

Но интерес, который я испытываю к проблеме выезда,— это что-то совсем другое. Потому что вопросы и ответы, связанные с выездом, невероятно важны для будущего нашей страны. Даже и сейчас, когда у большинства нет никаких возможностей для выезда.

1947

КАТАСТРОФА КАК ОПОРА

Прошлой зимой в одном немецком городе встретились двое старых знакомых, писателей по профессии. Они долго не видели друг друга. После того, как бурные приветствия подошли к концу, один из них сказал, понимающим взглядом смотря на портфель в руках другого (он предполагал, что в этом портфеле свежие рукописи): «Прекрасно! Музы продолжают жить! Над чем работаете?» Он не мог знать, что портфель был набит сигаретами, кофе и маслом и что перед ним стоял не писатель, а спекулянт. Другой бросил на него грустно-иронический взгляд, горько рассмеялся и ответил, пожимая плечами: «Над чем работаю? Господи Боже ты мой! Я не могу себе позволить работать!» Даже если отвратительная последняя фраза только наполовину правдива, то тогда и половина правды очень много говорит об обстоятельствах нашей жизни и о людях, которые приспосабливаются к таким обстоятельствам.

Другой пример. Несколько недель назад члены городского правления в одном маленьком южнонемецком городке обнаружили, что их бургомистр тайно присвоил себе накладные и таким образом обеспечил всем необходимым свою квартиру и свою семью. Дело было ясным. Речь шла о злоупотреблении служебным положением и кое-каких других преступлениях.

Оставалось сделать практический вывод: уволить бургомистра с позором! Один из членов городского правления выступил на заседании с соответствующим предложением. Начались дебаты, и другой член правления заявил следующее: «Наш бургомистр, судя по его поведению, вполне соответствует своей должности. Конечно, достойно сожаления, что он использовал свое служебное положение, чтобы обеспечить себя привилегиями. Но, с другой стороны, не надо забывать, что эти самые привилегии побуждают его к дальнейшей активности на деловом поприще. Любой, кто встанет на его место, будет вести себя точно так же. Поэтому я предлагаю оставить его в должности. У него уже есть то, что он хотел иметь. Таким образом, мы обезопасили себя на будущее. Если же мы сменим его, нас снова ждет опасность быть обворованными». Я не знаю, было ли принято это гротескное предложение или нет, но само то, что возможно выдвигать такие идеи, выносит приговор обстоятельствам нашей жизни, так же как людям, которые приспосабливаются к этим обстоятельствам.

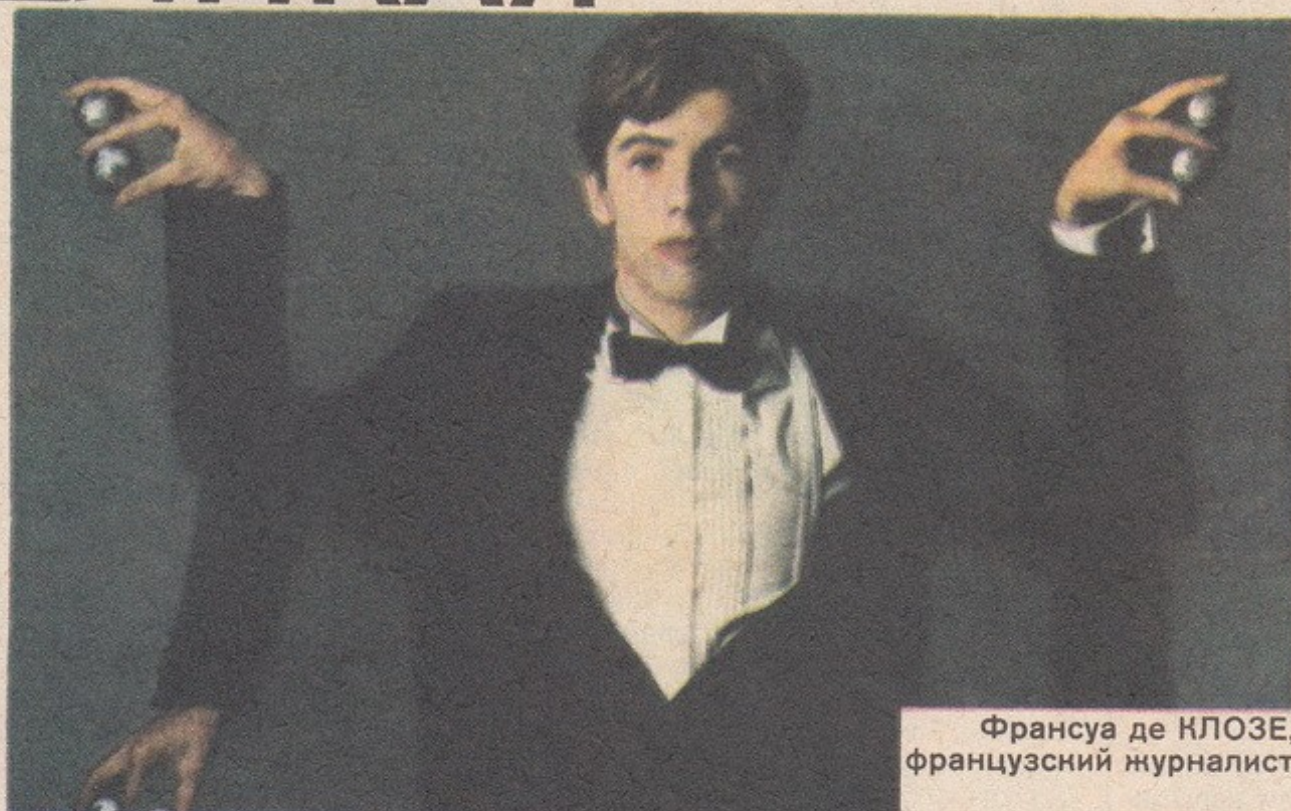
Общественная мораль скользит вниз, как по натертой мылом детской горке. Конечно, наверняка есть немало людей, которые не хотят скользить вниз. Они не делают ничего неправедного. Они порядочны до глубины души. Они работают изо всех своих сил. Они получают удовлетворение, если действуют честно и если — наперекор всем искушениям — остаются незапятнанными. И все же даже их минутами охватывают сомнения! Бывают моменты, когда они, отрешившись от своей чуткой совести, говорят сами себе: «Ну и болван же я!» Это многозначительный знак. Когда идеалисты начинают считать себя идиотами — грядут перемены.

Человек не только продукт окружающих его условий. Утверждать так — не более чем удобная отговорка лентяев и деклассированных элементов. Но нравственная устойчивость обыкновенного человека имеет свои границы. Мы достигли этой границы. Мы можем взывать к морали с кафедр, трибун и балконов. Это не принесет успеха. Можно ужесточить приговоры в судах. Это тоже не принесет успеха. Мы должны понять, что сейчас самое время воздействовать не на неизменяемого человека, а на поддающуюся изменению компоненту: на условия жизни! То, как идут дела последние два года, налагает слишком большую нагрузку на идеализм обыкновенного человека. Из катастрофы не построишь фундамента. Болото не дает опоры. Не за что держаться. Мы падаем неудержимо. Главный вопрос звучит так: «Как создать опору — или хотя бы чувство опоры — под нашими ногами?»

Мало кто имеет настолько много воли и страсти, чтобы, работая изо всех сил, поднимать себя на десять сантиметров вверх и при этом знать, что в следующее мгновение он опустится на двадцать сантиметров вниз. Поэтому многие вообще не работают. Поэтому многие не желают продавать товары. Поэтому крестьяне режут слишком мало скота. Поэтому процветает обмен, а не продажа. Поэтому цветет черный рынок. Неестественная ситуация требует от людей неестественного поведения. Но не правда, что безнравственность в экономике уже победила. Это пока что еще не правда!

Безудержное соскальзывание вниз должно быть наконец остановлено. В этом ни у кого нет сомнений. Точкой опоры для любых мероприятий должна быть денежная реформа. Деньги должны снова приобрести смысл. Тогда появится смысл и работать. Прибыль должна стать чем-то, что не исчезает со временем. Между работой, товаром и деньгами должны существовать разумные отношения. И именно денежная реформа сможет реформировать мораль.

1947

ВЕЛИКАЯ

Франсуа де КЛОЗЕ,
французский журналист

МАНИПУЛЯЦИЯ

Монтескье говорил, что справедливое общество строится на добродетели. Возможно, во времена, когда жил этот великий французский философ, были основания так думать. Сегодня, как считает изучающий механизм французской демократии журналист Франсуа де Клозе, общество строится на манипуляции. Великие принципы — справедливость, мораль, права человека — с равным успехом используются и теми, кто у власти, и теми, кто в оппозиции, но с разными целями. Как результат — девальвация этих ценностей.

Так уж повелось: если экономист, то, само собой, «авторитетный», если «бордоское вино», то непременно «легкое», если «требования», то, безусловно, «законные». Требуется действительно нечто экстраординарное — к примеру, чтобы французские летчики, получающие 70 тыс. франков в месяц, пожелали управлять самолетом втроем, а не, как это делают во всем мире, вдвоем — чтобы публика задумалась, насколько «законные» требования справедливы. Но если грань, так сказать, приличия не перейдена, то любой забастовочный комитет добьется единодушного одобрения своих требований, в том числе и у самых выдающихся людей, выбрав безотказно действующий лозунг: «Тому-то — особое внимание». Здравоохранению, безработице, инвалидам, бедным, воспитанию подрастающего поколения и т.д.

Действительно, внести свою лепту во всеобщее возмущение ничего не стоит, а вот отказ поддержать «законные требования» может быть воспринят окружающими так, будто вам дела нет ни до общественного здоровья, ни до безработных, ни до подрастающего поколения... А иначе почему бы не выразить свою поддержку?

Но, предположим, и требования законны, и поддержаны они людьми достойными, выше всяких подозрений. И все же публика оказывается вовлеченной в ловушку добрых чувств. Справедливое дело — лакомый товар, и обращаться с ним надо с сугубой осторожностью, поскольку приверженность справедливости и вообще определенным ценностям — это и богатство, и слабость людей. Замечали ли вы, что, какое бы дело ни порицалось или ни защищалось, позиция противников и сторонников неизменно расцвечена наилучшими намерениями или благородными идеалами? Право открыть новый универсальный магазин, выпустить противозачаточную пилюлю, давать детям атеистическое или религиозное образование — все, абсолютно все делается под маркой высоких принципов. Любое самое обычное дело преподносится под каким-нибудь тонким и возвышенным соусом.

У общества не так много вариантов существования. Остается выбрать между силой и добродетелью, как когда-то заметил Монтескье. Наши демократии, склоняясь ко второму решению, опираются на моральный кодекс, чтобы получить поддержку граждан. Так как одного холодного разума недостаточно, чтобы управлять людьми, приходится прибегать к более высоким идеалам — таким, как справедливость, свобода, семья, родина, собственность, счастье, солидарность, уважение к жизни, соблюдение прав человека... Любая власть стремится обеспечить себе больше, чем признание своей эффективности. Любое выступление будет иметь в виду высшие цели, чтобы усилить свои позиции.

Современное общество требует, чтобы каждый гражданин определился в отношении основных понятий. Расизм? Все против. Справедливость? Все за. Свобода? — священное право. Собственность? Да, но... Безопасность? Уж конечно. Солидарность? А как же... Всяк судит по-своему, но судит. Совершенно несущественно, что одни говорят «Долой неравенство!», а другие «Да здравствует неравенство!». Лишь бы никто не остался безразличным. Таким образом плетется невидимая нить связей и ограничений, притяжений и отталкиваний, определяющая структуру общества, без чего мы были бы поставлены перед выбором между диктатурой и анархией.

Благодаря этому множеству обусловленных реакций каждый индивидуум в отдельности и общество в целом делают шаги, которые можно предвидеть и проконтролировать. Всякий человек, обладающий властью и влиянием, использует эти факторы, и если стимулы правильно задействованы, то они с успехом заменяют полицейскую машину и освобождают от многих хлопот. Если же, напротив, эти рефлексы общества нарушены, то система перестает функционировать, теряет равновесие и скатывается во всеобщий кризис.

Можно подумать, что манипуляция идет в ход, когда речь идет только о больших политических и социальных проблемах. Но нет. Играя на вечных ценностях, обвести нас вокруг пальца стараются большие и малые группы давления. Вот дилемма: свобода или репрессии? Ну как не выступить за свободу? Если я расскажу вам, как ущемляют свободу, вы тотчас возмутитесь, и это будет подходящим моментом, чтобы подсунуть вам петицию и авторучку. Неужто вы откажетесь, рискуя прослыть сторонником тоталитарного

режима? Вот вы и оказались среди требующих снять ограничения скорости движения. Именно таким способом, действуя во имя прав человека и гражданина, и удалось убедить выступить за снятие ограничения со скорости миллионы автомобилистов, которые, по правде говоря, и сами шли навстречу. И все же...

Все исследования доказывают, что скорость составляет наипервейшую причину несчастных случаев, и не имеет никакого смысла объявлять кампанию за дорожную безопасность, если не начать с ограничения скорости. Но тут-то любители 200 километров в час выдвигают решающий довод: это ограничение — покушение на личную свободу.

Как видим, для преодоления очевидных доводов рассудка и страха перед несчастным случаем достаточно бросить на противоположную чашу весов эмоциональные компоненты с сильно действующими добавками: во-первых, защиту свободы, ну и, во-вторых, уважение к личности.

Подобная аргументация не проходит на американских дорогах, там нарушители не могут рассчитывать ни на снисходительность властей, ни на понимание публики. С другой стороны, по ту сторону Атлантики то же самое происходит с торговлей оружием. Оружие рассматривается как обычный товар, и купить пистолет или карабин там так же просто, как велосипед или каток для стрижки газонов. Первое, что следует из этого положения: 70 миллионов американцев вооружены; второе — почти 10 тысяч погибают ежегодно от пули, что является рекордом для современного государства. Одним словом, в США оружие имеет ту же смертоносную функцию, что легковые машины и грузовики во Франции.

Как в одном, так и в другом случае строгий порядок спас бы тысячи человеческих жизней. Американское общественное мнение, как показывает опрос, осознает это и склоняется к ужесточению правил. Но всемогущая Национальная стрелковая ассоциация, вокруг которой группируются «оружейники», всегда блокировала реформы. Она добилась того, чтобы кандидат Буш, как прежде кандидат Рейган, взял на себя обязательство не принимать никаких репрессивных мер в этой области. Американцы в отношении свободной продажи оружия ведут себя так же, как французы в отношении скорости езды, и торговцы умело играют на чувствах свободы и достоинства личности.

С одной стороны, из владения оружием сделали прерогативу американцев, так что запрещение его покажется посягательством на основные права. С другой стороны, клиенту льстят, и всякий, кто считает себя достаточно ответственным, самоутверждается и покупает себе ружье.

Что ж, свобода давить здесь, свобода стрелять там: свобода и столько преступлений!

Перевела с французского
Елена ЛИВШИЦ

КАРЛОС

Серж РАФФИ,
французский журналист

БЕРЛИН

Он снова появился в Берлине. Сообщение об этом поступило западногерманской секретной службе. Он пробыл там всего лишь несколько часов. Что нужно было этому таинственному визитеру в городе, который он так хорошо знал прежде и совершенно не узнавал теперь? Быть может, он прибыл сюда с каким-то заданием? А может, просто хотел полюбоваться городом, лишившимся одной из главных своих достопримечательностей — Стены? Вдохнуть воздух истории? Или своими глазами увидеть, как рушится мир, который он некогда считал своим? Раньше все было просто. Существовало Добро, а рядом с ним — Зло. Были «враги империализма» и «эксплуататоры-капиталисты». Но Стены больше нет. И войне пришел конец. Перед рейхстагом стоят вперемежку «трабанты» и БМВ, а рядом молодежь гоняет по Потсдамской площади на роликовых досках под музыку «Пинк Флойд». Человека, скрывающего глаза за кругленькими стеклышками «профессорских» очочков, зовут Ильич Рамирес Санчес. Во всяком случае, так его звали когда-то. Во всем мире он известен под именем Карлос. Ему 41 год, за его плечами — прошлое безжалостного убийцы, его будущее едва просматривается.

БУДАПЕШТ

15 июля 1990 года в бывшем здании будапештской биржи, где во времена Кадара разместилось государственное телевидение, собрались потрясенные журналисты. Молодая мадьярская демократия преподнесла им сенсацию: двухчасовую видеокассету, снятую в 1980 году венгерскими секретными службами, два часа беседы Карлоса с бывшим шефом венгерской контрразведки...

Карлос нервничал. Как всегда, когда его терзало беспокойство, он покусывал нижнюю губу, то и дело засовывал руки в карманы. Ему только что сообщили безрадостную новость: Венгрия требует его выдворения из страны. А сидевший напротив него человек, тертый калач в делах разведки, играл в дипломатию. «Мы просим вас эвакуировать ваши оперативные базы с нашей территории. Западным службам стало известно, что ваши следы ведут в Венгрию». Начальник контрразведки говорил решительным и в то же время мягким тоном, он разговаривал с Карлосом, точно с главой государства. Он не упоминал о том, что Венгрия собралась вступать в Интерпол, но Карлосу этот факт был известен. В раздражении террорист бросил по-русски: «Вы идете на уступки империалистам. А между нами существуют определенные договоренности, и вы их нарушаете».

В конце беседы террорист уклонился от прямого обещания свернуть базы в Венгрии. Он понимал, что у него в руках главный козырь: если в ЦРУ узнают о том, что задунайские руководители не только покровительствовали ему, но и давали ему приют, тогда прощай мечта о членстве в Интерполе. Быть может, именно из Будапешта Карлос руководил в 1973 году операцией по уничтожению в Лондоне Джозефа Конрада Сиффа, владельца магазина «Маркс энд Спенсер», значившегося в списке «сионистов, подлежавших уничтожению»? И не здесь ли в 1975 году он задумал операцию по взрыву парижского магазина в Сен-Жермен, в результате которого погибли два человека? Или похищение в том же году в Вене одиннадцати министров стран — членов ОПЕК, повлекшее за собой три смерти?

Словом, человек, которого разыскивала полиция всех стран мира, еще бывал наездами в Будапеште вплоть до 1986 года. Правда, вел себя очень осторожно.

В архивных документах, попавших в июле 1990 года в руки генерального прокурора Венгерской Республики, оказалась подробная биография бойца Карлоса. Он родился в 1949 году в Каракасе в состоятельной семье адвоката, миллионера и убежденного марксиста. У доктора Рамиреса было три сына. Он

окрестил их так: Владимир, Ильич и Ленин. В юные годы Ильич Рамирес Санчес жил припеваючи, курсируя между Каракасом, Мексикой и островами Карибского моря. Отец приобщил его к истории Латинской Америки. Героями Ильича стали Симон Боливар, Запата[1], а также участники абсолютно всех революций. Своим товарищам по лицею он повторял: «Только пули чего-то значат». В семидесятых годах, когда подростки обожали «Битлз» и «Роллингов», Ильич боготворил Гевару. Он видел себя партизаном где-нибудь в Андах, в джунглях Амазонии или Никарагуа. Или борцом, сражающимся против «янки». Тем не менее, несмотря на его пристрастия к «военной» литературе, отец хотел сделать из него образованного юношу. И будущий Карлос в сопровождении своей матери Доны Эльбы и брата Владимира отправился в Лондон. Там-то и определилась его судьба: он начал брать уроки... русского языка у престарелой эмигрантки.

МОСКВА

В 1969 году Ильич Рамирес уехал в Москву учиться в Университете имени Патриса Лумумбы. Мечтатель о жарких революционных битвах наткнулся здесь на холод, каким веяло от «реального социализма». Да, Советский Союз — это вам не Латинская Америка. По мнению Ильича Рамиреса, социализм по-венесуэльски — это всеобщая фиеста. А как же насчет экономики? На сей вопрос Рамирес всегда отвечал однозначно: «Только пули чего-то значат» — и отправлялся кутить в рестораны, рассеянные по всей улице Горького. «Да здравствует смерть!» — вот какой зычный призыв зазвучал из «страны березок»... Тем не менее Карлос провел в советской столице около двух лет. Но почему около? Потому что все разведки западных стран тщетно пытались восполнить пробел в биографии Ильича Рамиреса, относящийся к тому периоду. На целых семь месяцев неуловимый Карлос, он же Адольфо Хосе Мюллер, он же Чарлз Кларк, или Гленн Х. Гебхард, или еще Карлос Андрес Мартинес-Торрес, выпал из поля зрения.

Через несколько дней после публичного изгнания из Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы за «хулиганское поведение» Ильич Рамирес объявился в Иордании, в одном из военных лагерей НФОП[2].

ИОРДАНИЯ

Жорж Абаш, руководитель этой организации, которому тогда всецело покровительствовала Москва, явно пренебрег тем, что отношение русских к этому чересчур энергичному южноамериканцу было не из лучших... Однако все лето семидесятого Карлос вел себя как приличный школяр. Овладевал приемами обращения с оружием, выказывая к военному делу необыкновенные способности и являя при этом эталон дисциплинированности. Стрельба, жар песков, смертельный риск... В бедняцких кварталах Амана, где он снимал номер в грязной гостинице, наш каракасский филистер понял, что его мечта стать бойцом невидимого фронта наконец обернулась явью. Среди федаинов он чувствовал себя в своей тарелке. Вот где настоящая революция — в горах Йемена да на берегах Иордана. Даже несмотря на то, что дисциплинированность палестинцев порой сильно его раздражала, он тем не менее принял аскетический образ жизни тех, кого называл «моими братьями бедуинами». Здесь он познакомился со многими немецкими террористами. Проникся уважением к Ульрике Майнхоф[3], которой суждено было возглавить ФКА — «Фракцию Красной Армии».

Ульрика Майнхоф, как и Карлос, родилась в буржуазной семье. По профессии — журналистка. Точно охваченная приступом какого-то безумия, эта молодая особа встала на путь вооруженной борьбы. Выбраться из Западной Германии ей помог Восточный Берлин. Такая информация поступила ни больше ни меньше как от самого министра внутренних дел ГДР. Более того, стало известно, что после дерзкого похищения Бадера[4] Ульрика Майнхоф была завербована «Штази», политической полицией ГДР. Ее отправили в Аман. Как и Карлоса.

Бойцы-антиимпериалисты с самого начала решили объединить усилия. Создать своего рода «тонтину»[5] террористов. Там было все: и паспорта, и личное оружие, и гранаты, и взрывчатка. Недоучившийся студент Карлос и пламенная предводительница ультралевых Ульрика Майнхоф заключили бартерную сделку. В обмен на южнойеменские паспорта для членов шайки Бадера Карлос получил конспиративную квартиру в ФРГ. На многочисленных явках Карлоса во Франции, в Англии были обнаружены бланки западногерманских паспортов, выкраденные боевиками ФКА из мэрии Гессена; гранаты М-26, украденные ими же с американской военной базы под Кайзерслаутеном; и, наконец, оружие, похищенное в 1974 году из одной бундесверовской казармы все теми же молодчиками из ФКА.

Эрих Мильке уже стар и очень устал бороться. Сорок лет жизни отдал он «Штази». А теперь читает в «Шпигеле» о том, как сотрудники нового Министерства внутренних дел ГДР во главе с Питером-Михелем Дистелем завладели всеми его архивами. К ним в руки попал список старательных и бдительных рядовых граждан ГДР: доносчиков, которым отваливали по 110 марок за донос. Десять тысяч человек. И «ВА», внештатных агентов «Штази», работающих на западе. Сто девять тысяч человек!

Мильке был человеком из другого мира. Генерал уважал тех, у кого в глазах было написано: «антиимпериалист». Как и у большинства героев второй мировой, жизнь его остановилась в 1945 году. Вероятно, он испытывал отеческую нежность к этим ребятам, солдатам «холодной войны», утверждавшим, будто «только пули чего-то значат». Да и как ему было не любить того венесуэльского парня, который, как и он, обучался в Москве, участвовал в своей «испанской» войне на оккупированных палестинских территориях и в 1975 году совершил дерзновеннейший террористический акт в истории — захватил в Вене в качестве заложников одиннадцать министров стран — членов ОПЕК? Как можно было забыть человека, который, попав в оцепление и на мушку лучших снайперов австрийской полиции, беседовал с одним из заложников о... второй мировой войне? Заложника звали Эрик Хинтереккер. Он работал шофером в ОПЕК и оказался одним из тех, кому посчастливилось выжить в той войне. Он был членом экипажа подводной лодки. В одном из боев его лодку торпедировали, но ему удалось выбраться на поверхность благодаря аквалангу. Моряки с потопившего его лодку крейсера стали расстреливать его из пулеметов, когда он уже бултыхался

на поверхности. Он был ранен в живот, потом его выловили. Карлосу понравилась история этого чудом уцелевшего моряка. В течение всего времени, что длилась операция по захвату заложников, Карлос относился к этому шоферу из Вены с особым почтением. Он говорил ему: «Я тоже солдат, и крышей над головой мне служит палатка!»

И вот в конце июля 1990 года, в то время как «Пинк Флойд» демонстрировали всему миру свое психоделическое действо, апофеозом всего было низвержение Стены, Питер-Михель Дистель невозмутимым тоном объявил, что Карлос работал «в тесном контакте со «Штази», что «вышедшие в отставку» террористы из «Фракции Красной Армии» по распоряжению Эриха Хонеккера были приняты их восточными двоюродными братьями и ныне проживают в ГДР. И что организатором операции по их «уходу» был, разумеется, генерал Мильке.

Жаждущие покаяния бывшие террористы, осознав, что смерть из-за угла им более не угрожает, принялись каяться. Они признались, что в Западном Берлине, да и не только там, агенты с Норманенштрассе следовали за ними буквально по пятам. «Люди из «Штази» «пасли» все наши явки,— говорит бывший террорист Михель Бауман.— Как только возникала какая-то опасность, даже малейшее подозрение, они нас тут же предупреждали». Другой раскаявшийся экс-террорист из ФКА, Питер-Юнгер Бок, приговоренный к пожизненному тюремному заключению за убийство Юргена Понто и крупнейшего предпринимателя Ганса-Мартина Шлейера, также имел дела с Мильке: «Контакты со «Штази» были неизбежны, потому что их агенты шныряли повсюду. Они нас «прикрывали» везде: в аэропортах Адена, Багдада, Дамаска... Нам даже оказывали медицинскую помощь. У каждого из нас был номер специального телефона. В случае малейшего затруднения мы звонили по нему, и все утрясалось в мгновение ока. На таможне нас никогда не «трясли». Само собой разумеется, ведь мы считались их союзниками, поскольку дестабилизировали обстановку в ФРГ. Но, должен уточнить, объекты покушения мы выбирали сами. ФКА не подчинялась «Штази». Возможно, они нас принимали за одно из подразделений ближневосточных террористических организаций».

В этих признаниях есть доля истины. К эмиссарам международного терроризма, которых Мильке принимал у себя в стране, он относился по-разному. Когда Абу Нидалу, страдавшему болезнью сердца, потребовались лучшие кардиологи,он приехал в феврале 1986 года в Восточный Берлин, где его поместили в клинику «Шарите», огромнейшее суперсовременное здание, воздвигнутое посреди сереньких городских строений. В какой-нибудь сотне метров от Стены. Здесь лечились виднейшие деятели коммунистического движения. В «Шарите» за Абу Нидалом ухаживали, как за принцем. «Штази» выделила ему вооруженную до зубов охрану. К главарю боевиков, громивших синагоги в разных странах Европы, относились как к члену Политбюро.

В «Шарите» побывал и Ганс-Иоахим Клейн, боевик из группы Карлоса, участвовавший в захвате заложников в Вене. Этот молодой человек, завербованный в ФКА Карлосом, получил пулю в живот. Нынче Клейн вышел из этой «грязной войны». Вот что он вспоминает о Карлосе: «Поначалу я принял его за мафиози... А когда узнал его поближе, он стал мне казаться чуть ли не Джеймсом Бондом... Я восхищался им. Он отлично знал шесть языков, более или менее сносно изъяснялся еще на нескольких...»

Карлос. Ох уж этот вездесущий Карлос. Где его только не видели: в Праге, в Дамаске; французское ДСТ вычислило его в Триполи, ЦРУ — в Багдаде. Возведенный в ранг международного террориста № 1, Карлос убивал хладнокровно, как настоящий наемный убийца. Мафиози целятся в затылок. Карлос же стрелял в висок. Из-за угла. Во время венской операции он раздавал заложникам автографы.

КЕЛЬН

27 июля 1990 года. Автострада Бонн — Кельн. За рулем БМВ — Ганс Нойзель, госсекретарь министерства внутренних дел. Он спешит на службу. 8 часов утра. Раздается страшной силы взрыв. Бомба с дистанционным управлением была заложена на обочине автострады по маршруту следования машины госсека. Ганса Нойзеля не задело. Он ехал без сопровождения и на обычной машине. Он полагал, что с терроризмом покончено раз и навсегда и ФКА больше не существует. Однако именно ФКА взяла на себя ответственность за покушение... Неужто после низвержения Стены все продолжает оставаться по-прежнему? На сей раз бессмысленно обвинять в происшедшем престарелого генерала Мильке. Но кто тогда повинен в этом? Может, бойцы невидимого фронта, все еще пребывающие в замкнутом мире грез о революции, для которых «только пули чего-то значат»?

Перевел с французского
И. АЛЧЕЕВ

---

[1] *Запата, Эмилиано (1887-1910) — мексиканский революционер.*

[2] *НФОП (Народный фронт освобождения Палестины) — палестинская террористическая организация, отказавшаяся присоединиться к ООП.*

[3] *Ульрика Майнхоф — лидер ФКА, была организатором многих террористических актов в 1972-1974 годах. Арестована в 1975 году. 10 мая 1976 года найдена мертвой в камере Штутгартской тюрьмы.*

[4] *Андреас Бадер — один из лидеров ФКА. В 1978 году был обнаружен мертвым в тюремной камере.*

[5] *Тонтина — ассоциация вкладчиков, члены которой, объединяя свои капиталы, в дальнейшем рассчитывают на пожизненное пользование доходами от общего вклада.*

Никто из женщин и девушек так не страдал и не страдает от предрассудков, как блондинки. Они считаются красивыми и неприступными, невинными и бесстрастными, привлекательными и наивными. Ни один другой цвет волос не вызывает столько споров и восторгов и не является предметом мужского восхищения и женской зависти одновременно. Не в последнюю очередь это, к огорчению темноволосых сестер, объясняется представлениями о якобы безупречном характере блондинок.

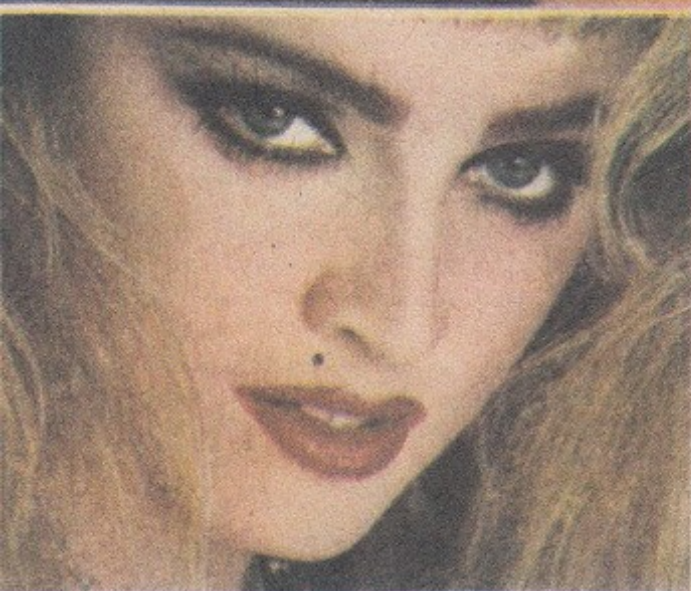
Ученые стараются подойти к этому вопросу трезво: отличаются ли блондинки каким-то особым характером, пока не доказано, но то, что он у них не лучше, чем у других,— это точно!

Озабоченность вызывает другое обстоятельство: природным блондинкам, как и всякой другой природной красоте в наше время, грозит вымирание. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), число блондинок в мире за последние 50 лет сократилось с 40 до жалких 20 процентов. И что самое печальное — в классических странах проживания блондинок — в Скандинавских!

Но никогда не умрут мифы и легенды о блондинках, в соответствии с которыми они испокон веку считались милыми, верными, порядочными, честными, скромными, домовитыми, ну и, конечно, соблазнительными. Одним словом — «хорошими». В то же время женщины с темными волосами, начиная с русоголовых и кончая жгучими брюнетками, воспринимались как их полная противоположность: прожженные, порочные, поверхностные, расчетливые. Короче говоря, были «плохими».

Как же случилось так, что человечество само приписало блондинкам более высокие моральные качества, а теперь еще и требует от них этих самых качеств? Мюнхенский психолог доктор Штефан Лермер объясняет это следующим образом: светлая окраска всегда считалась символом чистоты, свежести, ясности, и все это понятия высокие. К этому следует добавить, что светлые волосы не так резко подчеркивают черты лица, благодаря чему блондинки и выглядят моложе, да и такие негативные эмоции, как досада, злость, ненависть, не так заметно отражаются на их лицах. Поведение их не кажется опасным, даже если речь идет о страсти или гневе, они производят впечатление существ нежных. А

ТАЙНЫ БЛОНДИНОК

Линда АМОН,
немецкая журналистка

вот это уже весьма важный момент, потому что мужчины не любят опасных женщин! Разве и без того их на каждом шагу не подстерегают опасности в условиях городских джунглей и повседневной борьбы за выживание на рабочем месте?

Мужчины любят украшать себя, а светлые тона как раз и являются украшением, потому что встречаются реже и, стало быть, ценятся больше. Светлые тона отражают солнечный свет, переходя порой в золотистые. Золото же, самый благородный из всех металлов, является символом богатства и власти. Не потому ли мужчины, многого добившиеся в жизни и являющие собой пример для миллионов других, охотно окружают себя блондинками? Принц Чарльз выбрал себе жену-блондинку, постаревший богатый плейбой Гюнтер Сакс – целых две, все без исключения члены группы «Роллинг Стоунз» женаты на блондинках.

Многое говорит в пользу блондинок, но, не обратившись к истории, признать это достаточным нельзя, ведь изображение жизни в черно-белых красках старо как мир и вовсе не является открытием современности. В сказке братьев Гримм у принцессы, которую благодаря своему уму и благородству покоряет бедный странствующий юноша, волосы, конечно же, золотые. Да и Гретхен в «Фаусте» тоже была златокудрой.

Чтобы объяснить этот феномен, следует заглянуть в человеческую душу, докопаться до причин архаичных страхов, таящихся в ней. Вот как это понимает доктор Лермер: «Светлы солнце и воздух – источники жизни во всех ее проявлениях. И, напротив, темна ночь, делающая все невидимым и порождающая тем самым неуверенность и страх. Темна пропасть, способная поглотить человека. Тьма окутывает смерть и непознанную живущим человеком «жизнь после жизни».

Вот и получается, что контраст света и тьмы олицетворяет собой понятие дня и ночи, жизни и смерти, добра и зла. Но как ночь имеет свою притягательную силу, так и мужчин все же влечет к темноволосым женщинам. Однако уверенно они чувствуют себя только рядом с блондинками. Но было бы совершенно неверно выделять и поклоняться лишь одному идеальному типу блондинок: холодная, недоступная, похожая на статую богини, на которую можно лишь только молиться и которая как бы вознеслась над всеми и надо всем, включая секс. Ей поклоняются, но ее не обольщают. Это такие женщины, как Грейс Келли, Ким Новак, Катрин Денев.

Блондинкам следующего варианта наконец-то разрешается любить и быть любимыми. При этом, выражая свою индивидуальность, они должны оставаться в рамках чистоты, примитивности и максимальной наивности и не вторгаться в область конкуренции с мужчинами по части интеллекта, компетенции и силы, на которые те властно претендуют. Они милы, очаровательны, соблазнительны и... безнадежно глупы. Мэрилин Монро всю свою жизнь пыталась соответствовать такому клише до тех пор, пока не сломалась на этом.

Волосы Джейн Фонды во времена, когда она снималась в непритязательных фильмиках вроде «Барбареллы», были выкрашены в платиновый цвет. Когда же Джейн отправилась на баррикады бороться против войны во Вьетнаме и за женские права, она вернулась к своему природному цвету волос и стала шатенкой, иначе кто смог бы поверить политическим убеждениям сексуальной блондинки?

В остальном же процесс перекрашивания идет в обратном направлении, сегодня каждая четвертая женщина в мире, включая таких знаменитостей, как Бу Дерек и Мадонна, превращается в блондинку. Вполне возможно, это делается из-за бытующего мнения: быть блондинкой значит быть ближе к успеху. Новое поколение голливудских красавиц давно поняло и доказало это: Ким Бэсинджер, Мишель Пфайффер, Мэрил Стрип, Кэтлин Тернер, Фарра Фоссет – вот такая блестящая команда пробилась к полному успеху. Кстати, не верьте имиджу глупышек: блондинки могут быть кем угодно, только не дурочками! Ученые доподлинно свидетельствуют, что блондинки от природы наделены математическими способностями и способностями к естественным наукам. Эти дамы могут сделать блестящую карьеру также в политике и экономике. Вспомните-ка британскую «железную леди» Маргарет Тэтчер!

Все это факты. Но кого, скажите, они интересуют сегодня? Блондинки здравствуют и процветают благодаря мифам о них! Мифы же должны постоянно чем-то поддерживаться, а в случае необходимости и с помощью краски для волос!

Перевела с немецкого
С. КАВТАРАДЗЕ

У СТРАШНОЙ ДВЕРИ

Кэти ДОУБИ, американская журналистка

«Я просто решила это сделать». Не сказала никому, кроме своего парня. А пошла в клинику одна: он не захотел идти вместе с ней. Но врач заставил его все-таки приехать и забрать ее после операции. Когда она вернулась домой, ее вырвало, и ей стало легче. Потом она хотела повеситься. И попробовала той же ночью. «Я испугалась боли»,— говорит она.

Шерил 16 лет, сделала аборт в прошлом апреле. Теперь она снова беременна, и мы с ней разговариваем в Центре планирования семьи, в клинике Гоушен. Копна темных волос, не слишком выразительное лицо.

После того как девочки-подростки проходят тест на беременность и получают консультацию, медсестра спрашивает их, не поговорят ли они анонимно с репортером. «Я даже матери ничего не сказала!» — воскликнула одна из них. Отказывались многие: нет, нет и нет.

Соглашались восемнадцатилетние: год колледжа или работы научили их думать вслух. Свободнее чувствовали себя девочки, пожелавшие оставить ребенка. Или девочки, уже однажды сделавшие аборт. Или те, кто прошел через страх возможного аборта, не будучи беременными.

Совсем юные вели себя как глубоководные рыбы — испуганно молчали, в молчании прячась от родителей, от вопросов, обвинений, ответственности.

Я забыла, что их могут наказать. «Они хотят замуровать меня в квартире,— сказала мне одна девочка.— Особенно им хочется, чтобы я не разговаривала по телефону». Уход в себя, неприятие взрослой логики и наивный анализ ситуации. Я забыла, что секс в этом возрасте — как увеселительная поездка в летящем автомобиле. В нем звучит музыка, но мало говорят: «Он ничего не объяснил».

«Они убьют меня»,— всегда говорят девочки, и в таких случаях Джоэнн, медсестра в клинике Гоушен, спрашивает (осторожно-осторожно): «Они действительно убьют тебя?» Она думает, что подростки вообще чрезмерно боятся родителей, и большинству становится лучше, если они выговорятся, поведав свои страхи постороннему.

Когда Шерил была только в восьмом классе, мать пыталась научить ее пользоваться противозачаточными средствами. «Она думала, что я этим занимаюсь. Я сказала ей, что нет, но она не поверила». Ее дружку 19 лет, и он учится в колледже. Она гуляла с ним почти год, поэтому все считали, «что мы этим занимаемся». Ее друг не хочет говорить о беременности. «Он будет платить. Он отказывается сюда прийти». Она не скажет никому из своих друзей, что беременна, потому что, объясняет она, это не случалось ни с кем из них.

Тест на беременность стоит 10 долларов. Здесь их делают около 30 в неделю. Девочки боятся их проходить. В кабинете, за закрытыми дверьми, я разговариваю с сестрами. «Говоришь им, например, «растянуть шейку матки», а они становятся белыми, как полотно. Они даже не знают, что такое шейка матки. Обычно приходят с целой группой своих подруг, и все громко смеются и шумят. Вы вызываете: «Шерил!», и они встают. Потом девочка входит в кабинет, а когда возвращается, они все как в рот воды набрали. Одна из них плачет, и это обычно не та, которая беременна».

Вторник: «Где ты узнала, как это сделать? А? — кричит отец.— А? Где ты узнала это?» Потом слезы матери: «Я так гордилась тобой!» Я слушаю, что скажет дочь. Молчание.

Четырнадцатилетняя, беременная, она сидит в приемной. Девочке надо сдать анализ мочи, и мама идет с ней в уборную. «Ты должна знать, были ли у тебя месячные в декабре! Идем!» И они молча идут вниз по коридору. Неуклюжие в своих пальто, обе с нервными красными пятнами на щеках.

Время консультации. Мать, дочь, отец исчезают в кабинете. Позже Джоэнн расскажет мне: девочка не помнит, чтобы когда-либо вступала в половую связь. Только один раз, когда ее родители уехали и она устроила у себя вечеринку, Мэри выпила (а она вообще не пьет) и оказалась около двери спальни, а мальчик втолкнул ее внутрь, в тем-

ноту. Она клянется, что ничего не помнит, кроме того, как вышла из спальни на свет.

Потом они уходят. Мать, отец, сзади плетется дочь. Отец идет, высоко подняв подбородок, с важным видом, весь красный. Смешно, если это относится не к вам. Я хочу увидеть глаза девочки, но она прячет подбородок в воротник пальто, а ее пальто, конечно, застегнуто сверху донизу, руки в карманах, она смотрит мне в лицо всего лишь секунду, ее глаза — деланно загадочные.

Дэбби сидит в приемном покое клиники и размышляет. Если я не беременна, я могу уйти отсюда и больше с ним не встречаться. Она обдумывает свой выбор.

Выбор первый: сохранить ребенка. У нее не было бы с ним проблем, она любила бы его. Но деньги? Родители? Ее парень? Она скажет ему после, потому что она не такой человек, чтобы ломать ему жизнь. И, насколько она понимает, двух месяцев знакомства недостаточно для того, чтобы стать семьей с ребенком.

Аборт. От одной мысли об этом слезы накатываются на глаза. Нет. Никогда. Когда она была в средней школе, она сказала своей матери: «Мама, если я по странной случайности забеременею, ты узнаешь об этом потому, что ты найдешь меня мертвой в автомобиле, врезавшемся в дерево». Но теперь Дэбби сидит в приемной клиники Гоушен, ожидая результатов анализа на беременность. Она согласна на аборт. Испытывает свои чувства. «Если бы прямо здесь рядом со мной был бы кто-нибудь из близких мне людей!» Да, тогда она смогла бы сделать это. «Но мне пришлось бы окаменеть».

Он живет в часе езды от клиники. И она его попросила встретить ее после консультации, на полпути между домом и клиникой. Ха. «Почему бы тебе не приехать оттуда самой?» — сказал он. Хорошо. Она может и так. Это зависит от новостей, от того, как она примет их. Дорога длинная. Автомобиль может врезаться в дерево.

Его позиция не очень задевает ее. «Если бы я действительно его любила и у нас все было бы по-настоящему серьезно, тогда это задело бы меня». Так или иначе, она не собирается ни о чем его просить. Ведь она же не влюблена в него. Только 2 месяца и была с ним знакома. «Это своего рода проституция. Такие отношения унижают меня в собственных глазах. А я хотела бы иметь право сказать ему: «Да, я люблю тебя. Вот почему мы этим занимаемся». Все оттого, что парни сегодня думают, что они могут затащить к себе в постель любую девчонку, а потом пусть она оставит их в покое».

«Дэбби!» Вот и сестра, и Дэбби всматривается в ее лицо, заглядывает ей в глаза, ищет ответа и потом следует за ней в заднюю комнату, а сестра спрашивает ее: «Сколько тебе лет?» — «Восемнадцать»,— говорит Дэбби, и это вдруг поражает ее. «Восемнадцать. Только это осталось в моей голове. Теперь через несколько лет мне будет двадцать два, двадцать три. Я иногда пью спиртное, прикидываюсь больной СПИДом. Жизнь летит быстро... Восемнадцать. Но что это за кресло, на котором я сижу теперь, зачем я здесь? От того, что скажет эта женщина в белом халате, может измениться вся моя жизнь» — так рассказывала она мне чуть позже, когда вышла из кабинета и улыбнулась. Она была не в силах сдержать улыбку.

Медсестра Тереза перечисляет вопросы, которые интересуют девочек, согласившихся на аборт. Вот два основных: «Это больно?» и «Можно мне сделать это под общим наркозом?» Потом: «Не сообщат ли об этом родителям?» И вопрос, который они едва смеют произнести, но о котором много думают: «Смогу ли я потом еще иметь детей?» Одна девочка спросила Терезу, пустят ли ее потом в рай?, но это нехарактерный вопрос. Чаще спрашивают, побреют ли им «там внизу». «Они не смеют произнести «влагалище»,— говорит Кристин, дежурный регистратор.

Я знакомлюсь с Лиз сразу же после того, как она выяснила, что беременна. Это ее вторая беременность. Вытирает слезы. Говорит мне, что сохранит ребенка. Но на самом деле она еще не решила. Она вся съеживается, ее глаза злы. Она ненавидит все, касающееся абортов. Ненавидит саму идею «вытаскивания из тебя ребенка». Ненавидит женщин, сидящих с ней в клинике: одна пыталась успокоить ее словами: «Все нормально. Это мой третий аборт. Со временем привыкнешь». Другая женщина все повторяла: «Господи, хоть бы они поторопились. Мне надоело ждать».

Она ненавидит твердолобость взрослых, их бодрость, их пошлость. Когда она легла на стол с зажимами, врач сказал ей: «О, Господи, какие у тебя длинные ноги. Вы только посмотрите на эти ноги». Она хотела ударить его по лицу.

Она хорошо помнит, как после того, первого аборта она вернулась домой и потом вместе с отцом смотрела телевизор. В программе новостей было что-то про аборты, и ее отец сказал: «Это надо запретить». Лиз заплакала. «Если бы я сказала ему, он бы меня возненавидел». Поэтому она никогда ему не скажет. И матери она тоже не скажет, хотя думает, что мать поймет. Не скажет потому, что мать всегда все говорит отцу.

Тогда ей было 17 лет, она еще училась в школе. Ее друг Дэвид любил подшутить над своими родителями: «Знаете, а Лиз беременна!» И отец Дэвида тоже острил: «Вот и хорошо. Пусть родит и переселяется к нам». Но когда это на самом деле случилось, они испугались. Мать Дэвида сказала: «Тебе еще рано. Ты должна закончить среднюю школу. Может быть, через год». Лиз надеялась, что Дэвид наконец скажет: «Стоп! Я хочу оставить его, Лиз». И обнимет ее.

После аборта она почти ничего не ела, ни с кем не хотела разговаривать, писала «страшные стихи». По ночам натягивала одеяло на голову и лежала, свернувшись, «как зародыш». Снова и снова видела ту операцию, хотя во время нее она спала под наркозом. Она помнит тот кошмар: «Я видела, как зародыш появился наружу, я видела его головку и потом его ручку». Она часто плакала по ночам.

Но потом они снова встречались с Дэвидом. Теперь она беременна во второй раз и все еще не знает, хочет ли, чтобы Дэвид остался с ней. Это его и ее ребенок. Нужно что-то решать. «Иногда я хочу, чтобы у меня был выкидыш,— говорит Лиз.— Тогда в этом не было бы моей вины».

Медсестра Тереза заканчивает свое дежурство. «Ох, уж эти девчонки,— говорит она.— Скажешь ей, что беременна, а она вскочит со стула: «Не может быть! Не может быть!» А спросишь, почему, та объясняет: «Он обещал». Такие вот дела».

Мачеха Эми заметила, что Эми пропустила свои месячные. Эми заплакала, когда тест на беременность дал положительный результат. Отец был зол три дня. Мачеха оставила записку на кровати Эми: «Ты должна сама решить». Отец сказал: «Тебе придется избавиться от него». И только поэтому Эми захотелось его сохранить.

«Но я должна окончить школу. Я хочу поступить в колледж». Отец отвез ее в клинику. По дороге туда он сказал: «Если хочешь, можешь не делать этого. Для твоего ребенка всегда найдется место в моем доме». Эми была рада, что он так сказал.

Когда ее отец пришел в клинику, сестра заметила: «Как хорошо, что твой дружок пришел с тобой». «Они были шокированы, когда узнали, что это мой отец!» Единственное, что испугало ее, были металлические зажимы для ног на столе. Ноги раздвинуты, пятками вверх — похоже на затею какого-то развратного старика. Когда она проснулась, ей захотелось печенья и сока. «Это было приблизительно так: «О-о-о! Вот бы печенья!»

Она пропустила неделю занятий. Родители оставили ее в покое. Они никогда больше не упоминали об этом. «Как будто ничего не произошло»,— говорит Эми. Единственный раз она пожалела об аборте после Рождества, когда вся семья суетилась вокруг ребенка ее кузины, восхищаясь и отпихивая друг друга. Эми подумала: «Так могли бы восхищаться и моим».

Перевела с английского Марина БЕЛОВА

MEGADETH

• Рок-Энциклопедия Ровесника • • Рок-Энциклопедия Ровесника •

M

MALMSTEEN, YNGWIE J. Ингви Йохан Мальмстин. Родился 30 июня 1963 г. в Стокгольме, Швеция. Гитарист, вокалист, композитор, продюсер.

Сын полковника шведской армии, И. М. с детства увлекался творчеством Дж. Вивальди, Н. Паганини и Дж. Хендрикса и, по утверждению самого музыканта, начал играть на гит. раньше, чем ходить. Впоследствии на его манеру игры оказал большое влияние Р. Блэкмор.

В 1976 г. И. М. организовал свою первую группу «Powerhouse», а в 1978 г. — «Rising Force». Талантливого гитариста заметил амер. «искатель талантов» в области хард-рока Майк Верни, и в 1983 г. И. М. вошел в состав лос-анджелесской группы «Steeler», которую возглавлял Рон Кил. Несмотря на великолепный подбор музыкантов, группа вскоре распалась, и И. М. вместе с Грэмом Боннетом (экс-«Rainbow») создал «Alkatrazz». С этой группой гитарист записал два альб. (см. дискографию), но вскоре покинул и ее и стал готовить материал для сольной пл. В процессе записи сейшнмены приняли предложение И. М. стать членами его группы — так возродилась «Rising Force» (партию бас-гитары играл сам И. М.; кроме него, в группу вошли: Барримор Барлоу, уд.; Йенс Йоханссон, клав.; Джефф Скотт Сото, вок.; позже пришел бас-гитарист Марсель Якоб).

Дебютный альб. сразу же вошел в Top 60 амер. хит-парада и получил премию «Грэмми» как лучший инструментальный диск года. Но подлинная слава пришла к И. М. после выпуска третьего альб. «Трилогия» (он издан и в СССР) — несмотря на явно коммерческое звучание, эта пл. может считаться одной из лучших в активе гитариста.

Последующие работы И. М. не были столь оригинальны, но «запас прочности», который обеспечила «Трилогия», не позволяет И. М. выпасть из элиты хард-роковых гитаристов. Для современного этапа творчества И. М. характерно копирование самого себя и буквальное прочтение заимствований из классической музыки.

Пл. (в составе «Alkatrazz»): No Parole For Rock'N'Roll, 1983 Live Sentence, 1984 (Live LP).

(с «Rising Force»): Yngwie J. Malmsteen's Rising Force, 1984; Marching Out, 1985; Trilogy, 1986; Odyssey, 1988; Live In Leningrad, 1989 (2LP — Live); Eclipse, 1990.

Изменения состава «Rising Force»: 1985 — Барлоу, + Андерс Йоханссон, уд.; 1986 — Сото, — Якоб, + Марк Боулз, вок.; 1987 — Боулз, + Джо Линн Тернер, вок.; 1988 + Барри Данэуэй, бас; 1989 — Тернер, — А. Йоханссон, — Й. Йоханссон, — Данэуэй, + Фрэнки Баналли, уд., + Дон Эйри, клав., + Патрик Янг, бас; 1990 — Баналли, — Эйри, — Янг, + Горан Эдмен, вок., + Матс Олвассон, клав., + Сванте Хенрисон, бас, + Михаэль фон Кнорринг, уд.

«THE MAMAS AND THE PAPAS» («Зе мемас энд зе пепас»), вокальная группа «Матери и отцы» образовалась в 1965 г. в США.

Состав: Джон Филлипс, вок., гит.; Деннис Доуэрти, вок.; Мишель Гиллиам Филлипс, вок.; Касс Эллиот, вок.

Выпускник университета Джорджа Вашингтона Дж. Филлипс в 1962 г. женился на манекенщице Мишель Гиллиам и ввел ее в состав своей группы «Journeymen» в качестве вокалистки.

Деннис Доуэрти начинал в «Halifax Three» (куда также входил и член будущих «Lovin' Spoonful» Зэл Яновски). Доуэрти и Яновски познакомились с певицей Касс Эллиот и ее мужем Джимом Хендриксом и организовали группу «Cass Elliot And The Big Three». Вскоре группа сменила название на «Mugwumps» и ушла от фолк-рока, постепенно приобретая характерное биг-битовое звучание (барабанщиком в этой группе был Арт Стокз, а на гармонике играл Джон Себастьян). «Mugwumps» записали два альб. (выпущенные только в 1967 г.) и распались. Себастьян и Яновски организовали «Lovin' Spoonful», Эллиот вошла в состав джазового трио, а Доуэрти присоединился к группе Дж. и М. Филлипс, которая после этого изменила название на «New Journeymen».

Для репетиций «New Journeymen» выбрали Виргинские острова, где к ним присоединилась Эллиот, подрабатывавшая там официанткой. Вскоре группа перебралась в Калифорнию, записала ряд вокальных партий для пластинки Барри Магуайра и, сменив название на «The Mamas And The Papas», подписала контракт с новой фирмой грамзаписи «Данхилл».

В течение 1966 — 1967 гг. «М. э. п.» создали шесть синглов, которые вошли в амер. Top 5: «California Dreamin'» — 4-е место, «Mongay, Monday» — 1-е, «I Saw Her Again» — 5-е, «Words Of Love» — 5-е, «Dedicated To The One I Love» — 2-е, «Creeque Alley» — 5-е, а также два альб., разошедшиеся миллионными тиражами — «If You Can Belive Your Eyes And Ears» и «The Mamas And The Papas» (оба — 1966 г.). В 1967 г. группа выступала на поп-фестивале в Монтери, в финансировании которого принимала участие чета Филлипсов.

В 1968 г. у музыкантов возникли конфликты, и группа распалась, как, впрочем, и брак Филлипсов. Дж. Филлипс записал сольный альб., его бывшая жена снялась в фильме «Брюстер Макклауд», К. Эллиот также записывалась сольно. В 1970 г. музыканты снова собрались, записали более чем посредственный диск и опять занялись сольной работой.

Наиболее плодотворно работала К. Эллиот (она умерла в июле 1974 г.). Доуэрти записал две сольные пл., но популярностью они не пользовались. М. Филлипс удачно снималась в кино и вскоре приобрела репутацию голливудской «звездочки» средней руки (пиком ее карьеры была главная роль в фильме Кена Рассела о звезде немого кино Рудольфо Валентино, где она снималась в паре с Рудольфом Нуриевым). В 1977 г. она записала и сольный альб.

Дж. Филлипс к середине 70-х практически перестал работать и жил на дивиденды со своих старых хитовых композиций (сингл «California Dreamin'» приносит ему до 100 тыс. долларов ежегодно). В июле 1980 г. он был арестован за контрабанду наркотиков, но, получив условное наказание и публично покаявшись в грехах, вновь вернулся в шоу-бизнес. Вместе с дочерью, актрисой Маккензи Филлипс, он создал несколько телешоу и в конце 1981 г. реанимировал «М. э. п.», пригласив на место Эллиот певицу Элейн «Спанки» Макфарлейн. «Новые» «М. э. п.» некоторое время выступали в Калифорнии со старым материалом, начали работу над записью альб., но тоже распались. В 1986 г. была предпринята безуспешная попытка воссоздать группу.

Пл.: If You Can Believe Your Eyes And Ears, 1966; The Mamas And The Papas (Cass, John, Michelle And Denny), 1966; Deliver, 1967; Book Of Songs, 1967 (сборник); Farewell To The First Golden Era, 1968 (сборник); The Papas And The Mamas, 1968; Golden Era Vol. 2, 1968 (сборник); Hits Of Gold, 1969 (сборник); 16 Of Their Greatest Hits, 1969 (сборник); A Gathering Of Flowers, 1970 (сборник); People Like Us, 1970; Monterey International Pop Festival, 1971 (Live LP); 20 Golden Hits, 1972 (сборник); The Mamas And The Papas Biggest Hits, 1973 (сборник); Monday, Monday, 1973 (сборник); California, 1974 (сборник); The Best Of The Mamas And The Papas, 1977 (сборник).

РЭР вне очереди

NELSON

О, тоскующие по чарующему повороту головы Томаса Андерса! Для вас забрезжил свет в конце туннеля. И пусть братья-близнецы Мэттью и Ганнар Нельсоны работают в стиле, именуемом «мелодичный AOP», они красивы и бесполы, как манекенщицы дорогих Домов мод.

Братья — члены рабочей династии американского шоу-бизнеса: их дед и бабка — Оззи и Харриет Нельсоны — были телезвездами Америки 50-х, отец — Рик Нельсон — блистал в Америке 60-х, а Мэттью и Ганнар озарили своим светом Америку 90-х.

Выбрав в качестве объекта подражания «Бон Джови», братья (Мэттью поет и играет на бас-гитаре, Ганнар тоже поет и бряцает на гитаре ритм) организовали группу «Нельсон», в которую вошли австралийский гитарист Брет Гарсед, клавишник Пол Миркович и барабанщик Бобби Рок, работавший во «Вторжении» Винни Винсента. Дебютный альбом Нельсонов «После дождичка», вышедший прошлым летом, взобрался на десятое место хит-парада и... В общем, девушкам предлагается трепетать.

Джон Филлипс соло: The Wolf King Of L. A., 1970.
Мишель Филлипс соло: Victim Of Romance, 1977.
Касс Эллиот соло: Cass Elliot, 1968; Dream A Little Dream, 1968;Bubble Gum Lemonade And Something, 1969; Make Your Own Music, 1970; Mama's Big Ones, 1971 (сборник); Dave Mason And Cass Elliot,1971 (с Дэйвом Мейсоном); Road Is No Place For A Lady, 1974; Don't Call Me Mama Anymore, 1974.

«MAMMOTH» («Мэммот»), группа «Мамонт» образовалась в 1986 г. в Великобритании.

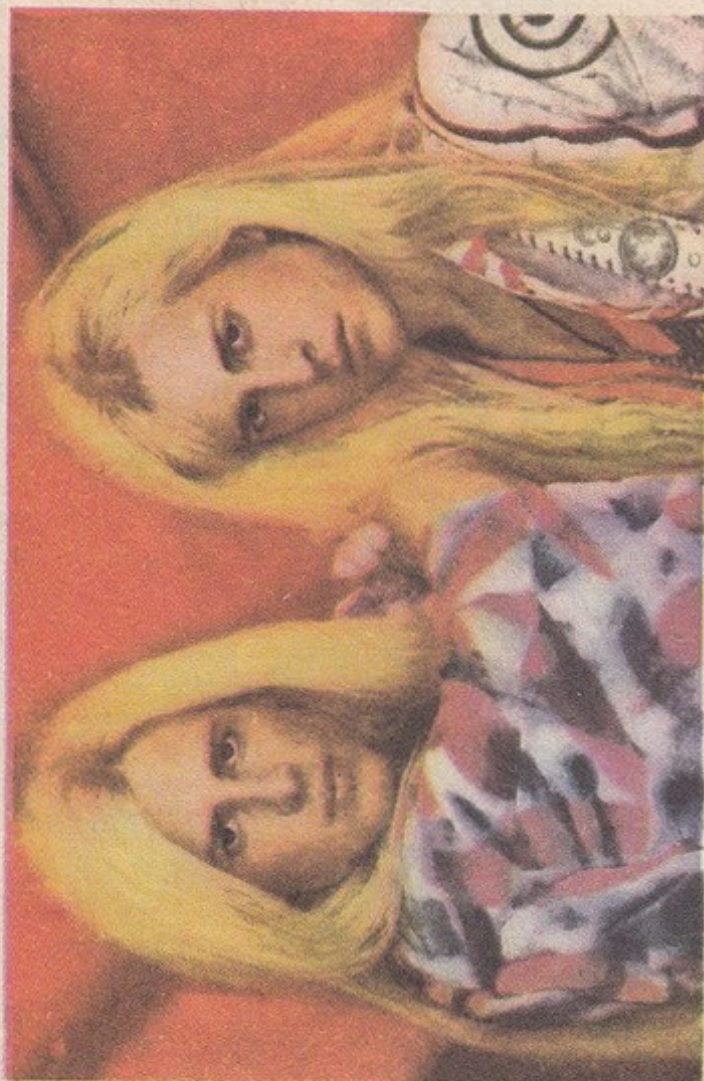
Исходный состав: Ники Мур, вок.; Джон Манкой, бас; Кенни Конс, гит.

«М.» часто называли «самой тяжелой» группой британского хард-рока, но это никоим образом не относится к музыке «М.», которая представляла собой облегченный вариант мелодичного хард-рока. Дело в том, что тучность музыкантов, входящих в состав «М.», стала предметом насмешек критиков, а поскольку суммарный вес исполнителей превышает тонну, то нетрудно представить, как «М.» смотрятся на сцене.

Это вовсе не означает, что «М.» не надо воспринимать серьезно, напротив — все музыканты имеют отменный «послужной список»: Ники Мур — один из лучших вокалистов Англии, получивший известность в составе «Samson», Джон Манкой работал в группе Иэна Гиллана, а Кенни Конс играл в культовой группе «More».

Уже в январе 1987 г. «М.» записали два сингла: «Толстяк» и «Одетый по последней моде» (партию ударных исполнял Н. Мур), демо-тейп приглянулась фирме «Джайв», и группа подписала контракт на выпуск альб. Весной того же года в состав вошли еще два музыканта, невероятно толстый гитарист «Биг Мэк» Бейкер, которого весы для взвешивания обычных людей «не берут», и не менее упитанный барабанщик Винни Рид, работающий на ударной установке с семью басовыми барабанами.

Появление «М.» было встречено с большим интересом — музыканты стали постоянными гостями музыкальных телешоу, полным составом снялись в кинокомедии Стивена Бейли. В конце 1988 г. дебютный альб. был готов, и весной 1989 г. он появился на прилавках. Мнения критиков по его поводу разделились: одни сочли пл. весьма слабым вариантом АОР, другие превозносили диск как выдающееся достижение мелодичного рока. В целом «М.» удалось соединить хард-рок с балладой на блюзовой основе. Как бы там ни было, альб. получился коммерческим.

NELSON

Летом 1989 г. «М.» отправились в турне по Европе, для участия в котором пригласили еще одного гитариста, Колина Пинкотта; по завершении гастролей «М.» приступили к работе над второй пл., однако в июне 1990 г. Н. Мур заявил о выходе из состава группы. Дж. Манкой вскоре объявил о распаде «М.», прокомментировав это разногласиями между менеджментом и фирмой грамзаписи.

Пл.: Mammoth, 1989.

Изменения состава: 1987 + Винни Рид, уд., + «Биг Мэк» Бейкер, гит.

«MANILLA ROAD» («Мэнилла роуд»), группа «Дорога в Манилу» образовалась в 1977 г. в США.

Состав: Марк Уэйн Шелтон, вок., гит.; Скотт Парк, бас; Ричард Фишер, уд.

Все три музыканта, входящие в состав «М. р.»,— страстные поклонники творчества Стивена Кинга, сами на досуге пописывающие романы ужасов (их совместное произведение «Бесконечный сон» было опубликовано в 1983 г. под псевдонимом Голди Хорн).

Дебютный альб. «Вторжение» вышел в 1979 г. на независимой фирме «Роудстер рекордз» — в те годы термин «металл» еще не был так широко распространен, и потому стиль «М. р.» один критик поэтически определил как «меч и волшебство»: группа исповедовала энергичный хард-рок, исполняемый на большой скорости с совершенно необычной для данного сочетания мелодичностью. Последовавшие за этим гастроли показали, что «М. р.» намерена затмить сценические шоу Элиса Купера: музыканты пользовались манекенами, которые набивали коровьими потрохами, отчего эффект был вполне «кровавым».

Второй альб. закрепил за «М. р.» репутацию одной из самых необычных групп тяжелого рока, их композиция «Flaming Metal System» вошла в знаменитый сборник «US Metal Vol. 3» (1983), однако возникли и проблемы: для того чтобы понять, о чем поют музыканты, требовалось неплохое знание мифологии и истории. После выхода третьего диска группу заметили в Европе, а в Англии она на некоторое время затмила входящих в моду «Iron Maiden».

В 1984 г. Шелтон поступил в Канзасский университет на отделение антропологии и закончил его «без отрыва от производства» — недавно лидер группы признался, что учеба позволила ему иначе взглянуть на тематику песен «М. р.».

Четвертая пл. представляет собой фантазию на тему легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Вскоре после выхода этого диска группу покинул барабанщик, и его место занял очень сильный музыкант Рэнди «Трэшер» Фокс, в определенной степени повлиявший на ужесточение саунда «М. р.».

Для того чтобы написать тексты к следующей пл. «Всемирный потоп», Шелтон более года изучал библейскую историю, однако подлинным творческим прорывом «М. р.» стал альб. «Мистификация», созданный по мотивам произведений Э. А. По. Композиция «Духи мертвых» повествует о людях, которые не приняли смерть и продолжают существовать в форме духов, песня «Дети ночи» рассказывает о войнах между первыми цивилизациями и могущественным племенем Ктулу. Значительное место в творчестве «М. р.» начинают занимать сказания древних викингов (это, видимо, не случайно, ибо по происхождению Шелтон — скандинав).

После выхода концертного альб. 1988 г. группу заметил известный гитарист Дэвид Честейн и предложил контракт со своей фирмой «Левиафан рекордз». Пл. «Из пропасти» — это результат их сотрудничества. Альб. получился крайне тяжелым, громким и в определенной степени трэшевым — здесь затрагиваются мифы Ктулу, древнескандинавская мифология, библейские сказания, а также упоминается о Джеке-потрошителе.

В 1989 г. «М. р.» интенсивно гастролировала в США и Австралии, а сейчас, судя по сообщениям муз. прессы, готовит новый альб.

Пл.: Invasion, 1979; Metal, 1982; Crystal Logic, 1983; Open The Gates, 1984; The Deluge, 1986; Mystification, 1987; Live Overkill, 1988 (Live LP); Out Of The Abyss, 1988.

Изменения состава: 1984 — Фишер; 1985 + Рэнди «Трэшер» Фокс, уд.

Сказки Ханса Кристиана Андерсена знают, наверное, все. А что мы знаем об их авторе, кроме того, что он жил в прошлом веке в Дании? К сожалению, такова судьба авторов самых любимых детских книг: убыв по возрасту из мира, куда уже не вернуться ни в сундуке-самолете, ни в семимильных сапогах, мы редко любопытствуем, кто же был тот, кто незримо был рядом с нами все наше детство. Биографическая «Сказка моей жизни» Андерсена не переиздавалась на русском языке с прошлого века. Сейчас готовится новый перевод этой книги, откуда мы предлагаем вам отрывок.

СКАЗКА МОЕЙ ЖИЗНИ

Х.К. АНДЕРСЕН

Вот сказка моей жизни. Рассказал я ее здесь откровенно и чистосердечно, как бы в кругу близких друзей.

Жизнь моя настоящая сказка, богатая событиями, прекрасная! Если бы в ту пору, когда я бедным, беспомощным ребенком пустился по белу свету, меня встретила на пути могущественная фея и сказала мне: «Избери себе путь и цель жизни, и я, согласно с твоими дарованиями и по мере разумной возможности, буду охранять и направлять тебя!» — и тогда жизнь моя не сложилась бы лучше, счастливее, разумнее.

В 1805 году в городе Оденсе в бедной каморке проживала молодая чета — муж и жена, бесконечно любившие друг друга, молодой двадцатидвухлетний башмачник, богато одаренная поэтическая натура, и его жена, несколькими годами старше, не знающая ни жизни, ни света, но с редким сердцем. Только недавно вышедший в мастера муж своими руками сколотил всю обстановку сапожной мастерской, а также брачную кровать. На кровать пошел деревянный помост, на котором незадолго перед тем стоял во время печальной церемонии гроб с останками графа Трампе. Уцелевшие на досках кровати полосы черного сукна еще напоминали о прежнем их назначении, но вместо графского тела, окутанного крепом и окруженного горящими свечами в подсвечниках, на эту постель 2 апреля 1805 года лег живой плачущий ребенок — я, Ханс Кристиан Андерсен.

Я рос единственным и потому балованным ребенком; часто мне приходилось выслушивать от матери, какой я счастливый — мне-то ведь живется куда лучше, чем жилось в детстве ей самой, — ну, прямо настоящий графский сынок. Ее, когда она была маленькой, родители выгоняли из дому просить милостыню; она никак не могла решиться на это и целые дни просиживала в слезах под мостом у реки. Мое детское воображение живо рисовало себе эту картину, и я заливался горючими слезами. Одним из первых моих воспоминаний, само по себе неважное, но имеющее для меня значение, благодаря той силе, с какой оно запечатлелось в моей детской душе, является воспоминание об одном семейном празднике, и как бы вы думали — где? В Оденсе есть здание, на которое я всегда взирал с таким же жутким страхом, с каким, я полагаю, смотрели парижские мальчики на Бастилию,— исправительный дом. Родители мои были знакомы с привратником этого дома, и вот как-то он пригласил их к себе на какое-то семейное торжество. Меня тоже взяли в гости, а я тогда был еще так мал, что домой меня, как вы узнаете после, пришлось нести на руках. Исправительный дом был для меня в те времена обиталищем сказочных воров и разбойников, и я частенько стоял перед ним, на почтительном, конечно, расстоянии, прислушиваясь к пению мужчин и женщин и стуку ткацких станков.

Мы подошли к дому; огромные железные ворота открылись и закрылись опять; с визгом повернулся ржавый ключ в замке, и мы стали подниматься по крутой лестнице. Угощали нас в гостях на славу, но за столом прислуживали два арестанта, и я не мог притронуться ни к чему: даже самые вкусные лакомства отталкивал прочь. Матушка сказала, что я, верно, болен, и меня уложили в постель. В ушах у меня все время раздавались песни арестантов и стук станков. Было ли это в действительности или только чудилось мне, я не знаю, однако твердо помню, что мне было жутко и в то же время интересно и приятно: я как будто попал в самый настоящий разбойничий замок из сказки. Поздно вечером мы отправились домой; меня несли на руках. Погода была промозглая, дождь так и хлестал мне в лицо.

Помню я событие, случившееся, когда мне минуло шесть лет,— появление кометы в 1811 году. Матушка сказала мне, что комета столкнется с землей и разобьет ее вдребезги или что случится какая-нибудь другая ужасная вещь, о каких говорится в пророчествах Сивиллы. Я прислушивался ко всем слухам вокруг, и суеверие пустило в моей душе такие же крепкие корни, как и настоящая вера. Смотреть комету мы с матушкой и несколькими соседками вышли на площадь перед кладбищем св.Кнуда. На небе появилось страшное огненное ядро кометы с большим сияющим хвостом, и все говорили о дурном предзнаменовании и о светопреставлении. К нам присоединился отец; он не разделял всеобщих суеверий и, вероятно, дал какое-нибудь разумное истолкование появле-

нию кометы, но матушка лишь вздохнула, а соседки принялись качать головами; отец засмеялся и ушел. Мне стало страшно за него — ведь он не верил, как верили мы! Вечером матушка разговаривала о комете со старухой-бабушкой; не знаю, что думала о комете бабушка, помню только, что, сидя у нее на коленях и глядя в ее ласковые глаза, я с минуты на минуту ждал, что вот-вот комета ударится о землю и наступит светопреставление.

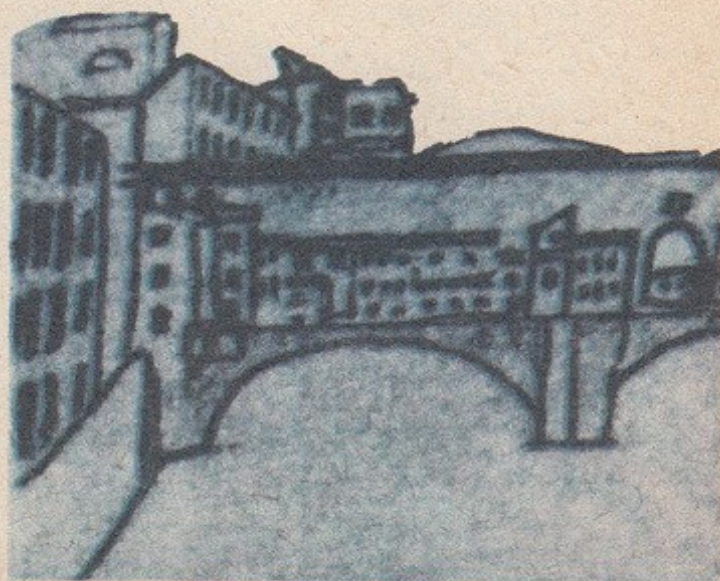
Два раза в год бабушка жгла листья и другой сор из сада; жгла она их в большой больничной печке. Эти дни я почти всегда проводил подле бабушки, валялся в кучах листвы и гороховых стеблей, играл с цветами и — что было самым важным — получал обед куда вкуснее, как мне казалось, домашнего. Тихие слабоумные, содержавшиеся в больнице, разгуливали на свободе по двору и по саду. Они часто заходили к нам, и я с трепетным любопытством прислушивался к их речам и пению, а часто даже отваживался пойти за ними в сад. Случалось даже, что я, набравшись смелости, правда в сопровождении сторожей, заходил и вовнутрь здания, где содержались буйные помешанные. Двери отдельных келий выходили в длинный коридор; помню, как-то раз я заглянул в замочную скважину одной из келий. В ней на куче соломы сидела совершенно голая женщина с длинными распущенными волосами и пела. Голос был чудный! Вдруг она вскочила и с визгом кинулась к двери, за которой на корточках притаился я. Сторож куда-то ушел, я был один. Она с такой силой ударила в дверь, что маленькая форточка в двери, прямо над моей головой, через которую безумной подавали обед, распахнулась; женщина выглянула в нее, увидала меня и протянула руку, чтобы схватить. Я в ужасе закричал и прижался к полу. Никогда не изглаживалось в моей душе воспоминание о том ужасе, который я испытал, чувствуя прикосновение ее пальцев к моей одежде. Когда вернулся сторож, он нашел меня полумертвым от страха.

Недалеко от пивоварни, где в печке жгли листья, была мастерская бедных старух-прядильщиц. Я часто заходил туда и скоро сделался любимцем старух за свое красноречие, служившее, однако, по их мнению, верным признаком моей недолговечности. «Такой умный ребенок не заживется на свете!» — говорили они; это мне чрезвычайно льстило. Как-то случайно я слышал разговор врачей о внутреннем строении человека, слышал, что у нас есть сердце, легкие, кишки, и этого мне было вполне довольно, чтобы немедленно прочесть по данному поводу моим старухам целую лекцию. Я смело чертил мелом на двери какие-то вавилоны, которые должны были изображать внутренности, и нес что-то о сердце и о почках. Все, что я говорил, произвело на почтенное собрание глубочайшее впечатление. Я прослыл необыкновенно умным ребенком, а наградой со стороны старух за мою болтовню служили мне сказки. Передо мной развернулся целый сказочный мир, не уступавший по богатству тому, что рисуется нам в «Тысяче и одной ночи». Эти сказки и частые столкновения с умалишенными до такой степени повлияли на меня, и без того уже зараженного суеверием, что в сумерках я едва осмеливался высунуть нос за порог дома.

Отец читал нам вслух не только комедии и рассказы, но и исторические книги и Библию. Он глубоко вдумывался в то, что читал, но когда заговаривал об этом с матушкой, оказывалось, что она не понимает его; оттого он с годами все больше и больше замыкался в себе. Однажды он раскрыл Библию и сказал: «Да, Иисус Христос был тоже человеком, как и мы, но человеком необыкновенным!» Мать пришла от его слов в ужас и залилась слезами. Я тоже перепугался и стал просить у Бога прощения моему отцу за такое богохульство.

«Нет никакого дьявола, кроме того, которого мы носим в своем сердце!» — говаривал также мой отец, и меня всякий раз охватывал страх за его душу. Однажды утром на руке у отца оказались три глубокие царапины: он, вероятно, задел во сне рукой за какой-нибудь гвоздик в кровати, но я вполне разделял мнение матери и соседок, уверявших, что это царапнул отца ночью дьявол, чтобы убедить его в своем существовании. Отец вообще мало с кем знался и почти все свободное время проводил или один, или со мною в лесу. Заветной мечтой его было жить за городом, и вот мечта эта чуть было не сбылась. В одно барское поместье потребовался башмачник; под жилье ему отводился в ближней деревеньке домик с садиком и небольшим пастбищем для коровы. Даровое помещенье и постоянный верный заработок — да можно ли желать большего счастья! И мать, и отец только о том и мечтали! Отцу в виде пробной работы заказали пару бальных башмачков; помещица прислала ему шелковой материи, а кожу он должен был достать сам. Только этими башмаками мы все трое и были заняты несколько дней кряду. Я несказанно радовался, мечтая о будущем садике с цветами, с кустиками, под которыми я буду сидеть и слушать кукушку, и горячо молил Бога исполнить это наше заветное желание. Наконец, башмачки были готовы; мы смотрели на них с неподдельным благоговением — ведь от них зависело все наше будущее. Отец завернул их в платок и ушел. Мы все сидели и ждали, что вот-вот он придет сияющий, вне себя от радости, и дождались — бледного, вне себя от гнева! Барыня даже не примерила башмаков, только взглянула на них и объявила, что отец испортил шелковую материю и что его нельзя принять на место. «Ну, если пропала ваша материя, то пусть пропадет и моя кожа!» — сказал отец, вынул ножик и тут же отрезал подошвы! Так ничего и не вышло из наших надежд поселиться в деревне. Все мы горько плакали, а между тем, казалось мне, что бы стоило Богу исполнить наше желание! Но исполни Он его, я сделался бы крестьянином и вся моя жизнь сложилась бы иначе. Часто впоследствии задавал себе вопрос: неужели Бог именно ради меня не дал сбыться заветному желанию моих родителей?

После смерти моего отца я был почти совершенно предоставлен самому себе. Мать ходила стирать людям, а я сидел в это время дома один, играя со своим кукольным театром, который сделал мне отец, шил куклам платья и читал разные комедии. В то время, как мне рассказывали, я был долговязым мальчиком с длинными светлыми волосами, ходил по большей части без шляпы и в деревянных башмаках.

По соседству с нами жила вдова священника Бункефлода с сестрою своего покойного мужа. Они полюбили меня, часто звали к себе, и я стал проводить у них большую часть дня. Это была первая образованная семья, в которой мне пришлось бывать. Покойный священник был поэтом, и его стихи в народном стиле пользовались тогда немалой известностью. В этом доме я впервые услышал слово «поэт», произносимое с благоговением, как нечто священное. Я был уже знаком, по чтению

отца, с комедиями Хольберга, но тут разговор шел не о них, а о стихах, о поэзии.

«Мой брат — поэт»,— говаривала старуха, сестра Бункефлода, и глаза ее так и светились. От нее же узнал я, что поэты принадлежат к счастливейшим избранникам Божиим, в этом же доме я впервые познакомился и с Шекспиром, разумеется, в переводе, и очень плохом. Тем не менее яркие картины, кровавые события, ведьмы и привидения — все это было как раз в моем вкусе. Я не замедлил разыграть шекспировские трагедии в своем маленьком кукольном театре; живо представлял я себе и дух отца Гамлета, и безумного Лира в степи. Чем большее число действующих лиц умирало в данной пьесе, тем она казалась мне интереснее. Вскоре я сам сочинил пьесу; конечно, я начал прямо с трагедии, и, конечно, в ней все умирали. Содержание я заимствовал из старинной песни о Пираме и Тисби, но прибавил от себя еще два лица, отшельника с сыном, которые оба были влюблены в Тисби и оба убивали себя после ее смерти. Чуть ли не вся роль отшельника была составлена из библейских изречений, касавшихся главным образом обязанностей человека по отношению к ближним и выписанных из учебника Закона Божия; называлась пьеса «Карась и Эльвира». «Уж лучше бы «Карась и треска»,— сострила одна соседка, когда я прочел ей свою пьесу с большим воодушевлением и самодовольством. Слова ее совсем обескуражили меня, я чувствовал, что она смеется надо мной и над моей пьесой, которую так расхваливали все другие. Со своим горем я пришел к матери. «Это она говорит потому, что не ее сын написал такую пьесу»,— сказала мне мать; я утешился и взялся за новую пьесу...

Моя любовь к чтению, хорошая память — я знал наизусть множество отрывков из драматических произведений — и, наконец, прекрасный голос — все это вызывало некоторый интерес ко мне со стороны лучших семейств в Оденсе. Особенно искреннее участие проявили ко мне полковник Хёг-Гульберг и его семья. Он даже как-то раз упомянул обо мне в беседе с принцем Кристианом (впоследствии королем Кристианом VIII), который жил тогда во дворце в Оденсе, и, наконец, однажды он взял меня туда с собою.

«Если принц спросит вас, чего бы вам больше всего хотелось,— сказал он мне,— отвечайте, что ваше заветное желание поступить в гимназию». Я так и ответил, когда принц действительно задал мне этот вопрос, но он на это сказал, что способность петь и декламировать чужие стихотворения еще не есть признак гения, что надо помнить о том, как труден и долог путь учения, и что он не прочь помочь мне, если я желаю изучить какую-нибудь приличную профессию, к примеру, стать токарем. Мне этого вовсе не хотелось, и я ушел из дворца не ахти каким веселым, хотя принц говорил, в сущности, вполне разумно и искренне.

Я так и оставался дома, но в конце концов подрос настолько и стал таким уж долговязым мальчиком, что мать сочла невозможным позволять мне дольше болтаться без дела и отдала меня в школу для бедных. Там преподавали только Закон Божий, письмо и арифметику, да и то довольно плохо. Я едва мог правильно написать хоть одно слово. Уроков я дома никогда не готовил — учил их кое-как по дороге из дома в школу. Часто уносился я мечтами Бог весть куда, бессознательно глядя на увешанную картинами стену, и мне порядком доставалось за это от учителя. Очень любил я рассказывать другим мальчикам удивительные истории, в которых главным действующим лицом являлся, конечно, я сам. Меня часто поднимали за это на смех. Уличные мальчишки тоже слышали от своих родителей о моих странностях и о том, что я бываю в «важных домах», и вот однажды они погнались за мною по улице целой толпой с криками: «Вон бежит сочинитель комедий!» Добравшись до дому, я забился в угол, плакал и молился Богу.

Мне шел уже четырнадцатый год, и мать решилась отдать меня в ученье к портному. Она любила меня всем сердцем, но не понимала, к чему я стремлюсь, да я и сам-то этого не понимал тогда. Со стороны же окружающих она слышала обо мне одни неодобрительные отзывы, и это печалило и мучило ее.

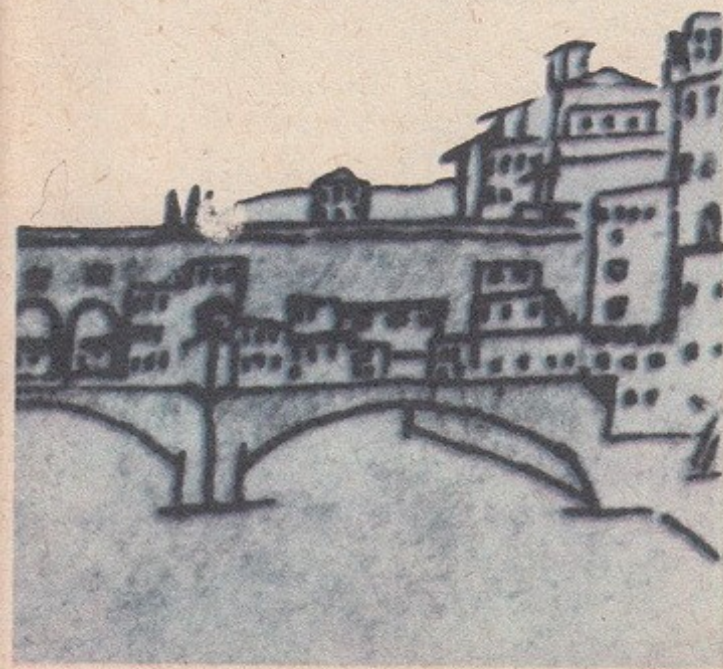
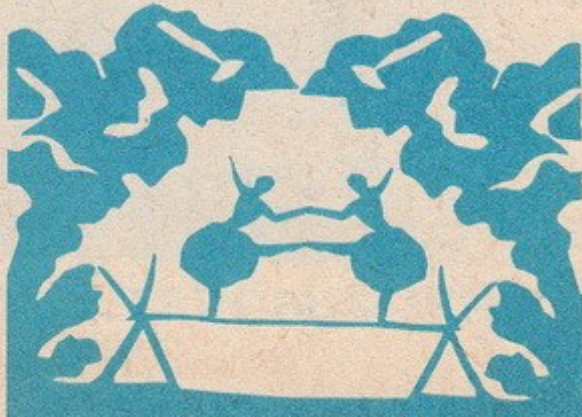
Я принялся умолять ее позволить мне лучше попытать счастья, отправившись в Копенгаген, который в моих глазах тогда был столицей мира.

«Что ты там собираешься делать?» — спросила мать. «Я прославлю себя!» — ответил я и рассказал ей о том, что знал о замечательных людях, родившихся в бедности. «Сначала, конечно, придется много-много перетерпеть, а потом и прославишься!» — говорил я. Меня охватило какое-то непостижимое увлечение, я плакал, просил, и мать наконец уступила моим просьбам; прежде чем решиться, она, однако, послала за гадалкой и заставила ее погадать мне на картах и на кофейной гуще.

«Сын твой будет великим человеком! — сказала старуха.— Настанет день, и Оденсе зажжет в его честь иллюминацию». Услышав это, мать заплакала и больше не противилась моему отъезду. Соседи наши и вообще все, кому приходилось узнать об этом, старались отговорить мать, убеждая ее, что безумие отпускать четырнадцатилетнего подростка — в сущности, совсем ребенка — одного в Копенгаген, за столько миль от родины, в такой огромный город, где я не знал ни души. «Да ведь он же покоя мне не дает! — отвечала она.— Придется, видно, и впрямь отпустить его, но беда тут невелика: я знаю, дальше Нюборга он не поедет; увидит там море, испугается и повернет назад, а тогда уж я отдам его в ученье к портному!» — «Эх, удалось бы нам пристроить его где-нибудь здесь в конторе! — говорила бабушка.— Занятие солидное, да и по душе Хансу Кристиану».— «Стал бы он таким портным, как Стайман, так я ничего лучшего бы и не желала!» — отвечала мать.

Мать связала все мои пожитки в маленький узелок, договорилась с почтальоном, и тот обещал провезти меня в Копенгаген без билета, всего за три талера. День отъезда наконец наступил. Мать печально проводила меня за городские ворота; тут дожидалась нас бабушка. Роскошные волосы ее в последнее время сильно поседели; она молча обняла меня и расплакалась, я и сам готов был заплакать... Затем мы расстались, и я так больше никогда ее и не видел. Через год она умерла; а я даже не знаю, где ее могила; ее похоронили на кладбище для бедных.

Почтальон затрубил в свой рожок; стоял прекрасный солнечный день; скоро и в моей детской душе засияло солнышко: вокруг меня было столько нового, да и к тому же я ведь направлялся к цели всех моих стремлений. Тем не менее, когда мы в Нюборге пересели на корабль и стали удаляться от родного острова, я живо почувствовал все свое одиночество и беспомощность: у меня не было никого, на кого бы я мог положиться, никого, кроме Господа Бога...

Перевели с датского
А. и П. ГАНЗЕН
при участии
О. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

ПАНДАМ НЕМНОГО НАДО — всего лишь покатые горные склоны, поросшие бамбуком, чистые ручьи и реки, тенистые темные уголки, где можно спокойно проспать ночь. И не нужна им страстная любовь человеческая и человеческая же забота (вроде этой бригады тибетцев, несущей заболевшего «панденыша» к врачу). Панды — одиночки, они не любят ни дневного света, ни ярких прожекторов популярности, потому и рождение панды в неволе становится почти что мировым событием. Цивилизация все настойчивее вторгается в глухие уголки Китая и Непала, где раньше так привольно обитали эти симпатичные млекопитающие, и ничто уже не спасает их от вымирания. Люди, оставьте панд своим заботам!

«КОНЧИЛОСЬ МОЕ ЛЕДОВОЕ ОДИНОЧЕСТВО!» — двукратный чемпион мира и олимпийский чемпион Брайан Бойтано с надеждой смотрит в будущее. Теперь он выступает в своем собственном шоу вместе с двукратной олимпийской чемпионкой Катариной Витт (с ними работают и наши чемпионы Александр Фадеев, Елена Валова и Олег Васильев, канадцы Барбара Андерхилл и Пол Мартини). Кстати, танцы Витт и Бойтано поставила певица Пола Абдул, о которой мы также рассказываем в этом номере.

КАК ИЗВЕСТНО, ЛЕДИ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВНОГО РОМАНА АГАТЕ КРИСТИ исполнилось в прошлом году 100 лет. И самые преданные ее поклонники съехались в Стамбул в отель «Пера Палас», где, как предполагается, она написала «Убийство в Восточном экспрессе». Одетые героями романа гости должны были найти ключ к разгадке жизни самой леди Агаты — ведь в 1926 году она сама исчезала на целых 11 дней, и что в течение этого времени делала и где была, не известно до сих пор. Существует множество версий таинственного исчезновения (в том числе и кинофильм). Но и на сей раз надежды не сбылись: загадка остается загадкой.

МНОГИЕ ЗНАЮТ ПЕСНИ, СТАВШИЕ ЗНАМЕНИТЫМИ БЛАГОДАРЯ КИНО — часто мы даже помним песни, а не фильмы, для которых они были написаны. Но существуют и фильмы, жизнь которым дали знаменитые песни,— первым следует назвать «Велосипедисток из Белсайза», по хиту Энгельберта Хампердинка. Особенно популярным этот подход к названиям фильмов стал в последние годы: достаточно вспомнить "Я хочу держать тебя за руку» (по «Битлз»), «Джек-попрыгун» (по «Роллинг стоунз»), «Цвета денег» (по песне группы «Холливуд Бийонд» «Какого цвета деньги?»), «Рожденный в Л.А.» (перифраз знаменитой вещи Брюса Спрингстина «Рожденный в США»), «Любовь не купишь» (вновь «Битлз»), «Отель разбитых сердец» (по Элвису Пресли, конечно), и самый последний в этом списке — «Море любви» (по знаменитой в конце пятидесятых песне, записанной Филом Филлипсом).

ВСПОМНИТЬ ВСЕ пришлось недавно Арнольду Шварценеггеру. Ну, если не все, так, по крайней мере, арифметику. Отныне «Мистер Вселенная», он же председатель Президентского совета по физической культуре и спорту, он же «Детсадовский полицейский» (так называется его новый фильм) стал еще и учителем математики. Ведущий серии учебных телепередач Хайме Эскаланте пригласил его продемонстрировать, к каким чудесам может привести знание устного счета. И теперь мальчишки всей Америки «качаются» под «Раз-два-три» и еще 128 раз знаменитого Арнольда. Сколько, кстати, это будет в сумме?

ПЕРЕД ВАМИ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, ЗЛОСТНЫЕ НАРУШИТЕЛИ ЗАКОНА О ПОРНОГРАФИИ штата Миссури. Один, совсем раздетый, разъезжал на трехколесном велосипеде, а другой, в столь же непристойном виде, продавал на это зрелище билеты. Заработок составил уже целых два с половиной доллара, как появились представители власти, арестовали бандитов и отнесли их к решившей соснуть часок маме. Дело закрыто.

ТВ ПОКАЗАЛО — ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

ПОЛА АБДУЛ ВОРВАЛАСЬ В МИР ПОП-МУЗЫКИ, ТАНЦУЯ — начинала она как хореограф. Еще учась в колледже, она ставила танцы для студенческой труппы, выступавшей в перерывах матчей профессиональных баскетбольных команд. На одном из таких матчей присутствовали братья Майкла Джексона, они и обратились к ней с предложением поставить танец для их нового видеоклипа. Потом была работа в качестве хореографа с Мадонной, с Принцем и другими, и в результате Пола запела сама. Альбом этой двадцатисемилетней певицы из Лос-Анджелеса «Навеки твоя» входит в список лучших пластинок прошлого года, опередив работы и Мадонны, и Принца.

Каждый год американский журнал «Тин» («девчачий» подростковый журнал) проводит среди своих читательниц конкурс на лучший рассказ. Мы представляем вам рассказ, победивший на прошлогоднем конкурсе — «Starring Me-The Drummer» (в русском переводе — «Барабанщица»).

БАРАБАНЩИЦА

Рассказ

Кристина АНДЕРСОН,
американская школьница

— А разве я тебе не говорила, что играла в рок-группе?

Она глянула на меня с изумлением и почтением.

— Нет, Клер, никогда не говорила!

Ну, конечно же, не говорила, потому что я никогда и не играла в рок-группе. На самом деле я уже несколько лет занимаюсь на фортепиано и еще пою в церковном хоре. А мой любимый композитор — Моцарт. Но остановиться я уже не могла.

— Я играла на ударных. Понимаешь, в звучании рок-группы это очень важный инструмент,— я плела и плела — о группе, которая называлась «Бродячие кошки», о том, как мы играли на танцах в школе, о диких вечеринках. Все это, конечно же, происходило в Риджвуде — мы с мамой только недавно оттуда переехали, и от этого «блестящего» прошлого меня отделяло 700 миль.

— Вот это да! — восхищенно протянула Карен.— Наверное, тебе было очень тяжело расставаться с группой. А они нашли тебе замену?

— Пока еще нет. У меня была очень характерная манера,— я тихонько пробарабанила ладонями по диванной ручке. Звук получался необычный, что правда то правда.

— Слушай, Клер, тебе надо попробовать собрать группу здесь. Зачем бросать такое дело?

— Да вряд ли из этого что-нибудь получится,— на этот раз я говорила правду. Но потом меня почему-то снова понесло:

— Я пока не видела здесь подходящих девчонок. Ой, знаешь какие в моей группе девчонки были! — Теперь это уже была моя группа.— Наша вокалистка, ее звали Тайгер, в миллион раз лучше Мадонны! А гитаристка, Серфер,— рядом с ней Лита Форд кажется просто скучной старой девой. А наша клавишница Бин просто красотка — она похожа на Шер.

— И это все их настоящие имена? — тихо вымолвила Карен.

— Ну.. нет, конечно. Сценические псевдонимы. Но мы уже так к ним привыкли, что по-другому друг друга и не называли. А меня звали Рифф (ритмическая фигура.— *Пер.).*

В этот момент мама позвала меня помочь ей на кухне.

— Что ты делаешь завтра? — спросила Карен.

— О, мне надо написать целую кучу писем,— отчасти так оно и было. После занятий музыкой и сочинения по английскому я собиралась написать бабушке и кузине.

— О'кей. Тогда увидимся в понедельник. А ты мне еще расскажешь про твою группу?

Ну что ж, думала я, натирая сыр для макарон, по крайней мере я не говорила, что встречалась с инопланетянами или умею превращаться в гигантский баклажан. Моя история звучит вполне убедительно.

Но, собственно, важно не то, что я напридумывала, а почему. Я-то понимала, в чем дело. С того самого дня, как мы с мамой переехали в Хиллсборо, я чувствовала себя очень одинокой, никому не нужной и неинтересной. И пусть я никогда не играла в рок-группе, сердце мое оставалось в Риджвуде. Там у меня были подруги, которых я знала всю свою жизнь — никакие не Тайгер, Серфер и Бин, а Элизабет, Лаура и Эшли. А здесь, в Хиллсборо, у всех были свои компании, и если ты ничего собой не представляешь, на тебя никто и внимания не обратит. Карен — такая же застенчивая зубрила, как и я,— стала моей единственной подругой.

К тому же в тот день мы ходили с ней по магазинам и встретили Касси Тиндалл. Конечно же, она нас даже не заметила.

Касси Тиндалл движется по своей собственной траектории — она подбрасывает жезл перед началом бейсбольных матчей и на свидания ходит и на вечеринки, у нее великолепные наряды, и вообще ею все восхищаются. Вместе с ней по этой траектории перемещаются еще несколько девчонок. Двое из них — Холли Клейтон и Кристи Уилхейм — тоже в тот день ходили с ней по магазинам. Они шли, склонив друг к другу свои три хорошенькие головки, разговаривали и громко смеялись. Самые красивые девушки в школе. И никто им не нужен.

По дороге домой я размышляла об этих трех девушках, об их интересной, достойной зависти жизни. И вранье как-то само собой выскочило из меня. Слава Богу, Карен не болтушка. Так что беспокоиться не о чем.

— Ну, дорогая, как прошел день? — спросила мама, нарезая овощи для салата.

— Нормально,— кивнула я и села за стол. Я ни разу не говорила ей, как одиноко мне в Хиллсборо. Я понимала, что переезд сюда — большая для нее удача. Она снова преподавала свою любимую историю в муниципальном колледже, да и платили ей здесь куда больше. И это для нее много значило — родители развелись, когда мне было три года, с тех пор мы жили с мамой вдвоем.

— Да, знаешь, я в понедельник приду домой попозже,— сказала ма.— На факультете будет праздничный ужин.

Мама проводила в колледже все время: она вела сразу несколько курсов, да и требования здесь были выше. Конечно же, я все понимала. В новой

школе мне тоже приходилось заниматься куда упорнее.

— Я потушу мясо, тебе надо будет только разогреть. А если не хочешь, приготовь себе что-нибудь другое.

Она так здорово всюду успевает, потому что приучила себя к самоорганизации. Она все планирует заранее, составляет список дел и постоянно с ним сверяется.

Воскресенье было холодным и пасмурным, но я расположилась в своей комнате с сочинением по английскому и чувствовала себя очень уютно. Мама сидела в гостиной и проверяла работы студентов. Телефон зазвонил в полдень.

Это была Карен — она жаждала новых подробностей моей музыкальной карьеры. Вначале мне было неловко: ведь я тогда наврала ей только потому, что чувствовала себя очень одинокой. Лгать мне больше не хотелось.

— Мы выходили на сцену в прозрачных серебристых куртках,— с удивлением слушала я свой голос.— Поэтому нас никогда и не называли «Бродячими кошками» — понимаешь, когда зрители видели перед собой таких девочек, в... мммм, в сверкающих, как горный хрусталь, куртках, они как-то забывали, как мы называемся.

— Ой! Клер, а у тебя сохранилась эта куртка? Можно мне примерить?

— Э-э... вообще-то, нет. Я отдала ее девочке, которая заняла мое место.

— А ты говорила, что они не нашли тебе замену.

— Ну да, верно. Просто я оставила куртку в Риджвуде — они же все-таки найдут кого-то на мое место.

— Ой, Клер, ты такая бескорыстная! Я бы ни за что не рассталась с такой курткой.

Я бы тоже, будь у меня хоть что-то подобное.

— Ты, наверное, хорошо зарабатывала в этой группе,— сказала Карен.

— Ну, не так, чтобы очень. Кое-что...

— Даже мелочь полезна,— Карен, как и я, копит на колледж.— Слушай, а если нам попробовать выступать вместе? Ты на ударных, я — на гитаре.

— А я и не знала, что ты играешь на гитаре!

— Научусь. Играть в группе куда интереснее, чем подрабатывать в аптеке. Да и платят, наверное, побольше.

Я представила Карен и себя на сцене и быстренько отгородила получившуюся картину занавесом:

— Понимаешь, я скоро начну преподавать фортепиано в классе миссис Уэбер. Она говорит, что я уже могу заниматься с начинающими. Так что для группы времени все равно не будет,— по правде говоря, миссис Уэбер просто уступила моим уговорам позволить мне заниматься с малышами.

Когда я положила трубку и вошла в гостиную, мама стояла у окна и смотрела на голые деревья. Услышав мои шаги, она обернулась и улыбнулась, но мысли ее были где-то далеко-далеко.

— Карен очень симпатичная девочка,— сказала мама.— Я рада, что у тебя появились новые друзья.

В понедельник утром я решила во всем сознаться. Ну, я собиралась сказать Карен, что стыжусь своего бурного прошлого, и взять с нее слово никогда не говорить на эту тему. Но в тот день все было против меня.

Карен пришлось переписывать контрольную по физике, поэтому я сидела в школьной столовой в полнейшем одиночестве. Я понимала, что любой мало-мальски грамотный журналист, ведущий колонку психологических советов, посоветовал бы мне присесть к кому-нибудь за столик и быть предельно коммуникабельной. Но я бы скорее предпочла попробовать взлететь с крыши. Поэтому я торопливо съела свой сандвич и провела остаток большой перемены в библиотеке.

Дома я сделала уроки и разогрела приготовленное мамой мясо. В самом конце моей одинокой трапезы позвонила Карен.

Я живописала ей концерт, который мы дали прошлой зимой, подробно пересказала содержание каждой песни, поведала о том, как бурно аплодировал представитель крупной фирмы грамзаписи, случившийся на том концерте. Я даже призналась, что подумываю вернуться в Риджвуд и поселиться у Тайгер — так я скучаю по группе.

— А можно я тоже с тобой поеду, а, Клер?

— Я напишу Тайгер. Посмотрим, что она ответит.

Я слезла с телефона как раз в тот момент, когда в дверь вошла мама.

— Ну как прошло торжество? — спросила я.

— Прекрасно. Значительно лучше, чем я предполагала,— она улыбнулась. Мне было показалось, что она хочет что-то сказать, но она промолчала и стала снимать пальто. Мама выглядела такой счастливой!

Слава Богу, хоть кому-то здесь хорошо, подумала я.

Через неделю я и сама уже почти верила в свои россказни. По крайней мере, всякий раз, когда я чувствовала себя особенно одинокой и никому не нужной, я представляла себя одной из «Бродячих кошек», и мне становилось лучше.

Через пару недель состоялся мой первый урок игры на фортепиано. В доме Касси Тиндалл. Конечно же, моей ученицей была не Касси, а ее младшая сестра Битси. Битси выглядела как уменьшенная копия Касси: те же огромные карие глаза, золотые локоны. Я было подумала, что стоит отказаться от занятий, но Битси оказалась прекрасной ученицей.

Когда я уже собралась уходить, ко мне подошла миссис Тиндалл:

— Твоя мама преподает в муниципальном колледже, не так ли? Я разговаривала с ней в церкви. Ты очень на нее похожа.

— Приходи в четверг,— крикнула на прощанье Битси, а миссис Тиндалл помахала мне вслед.

Странно: жизнь моя стала куда приятнее. Мне понравилось давать уроки, а занятия с Битси обернулись еще одной выгодой: поскольку я была учительницей ее сестры и дважды в неделю бывала в их доме, Касси уже не так явно игнорировала меня. Если мы сталкивались в прихожей, Касси бросала в мою сторону доброжелательный взгляд и некоторое подобие улыбки. Постепенно и другие девушки стали мне улыбаться и отвечать на мои приветствия. А еще я записалась в класс живописи к мистеру Уинклеру, и мы начали подготовку к выставке акварелей в мэрии. И хотя я продолжала сочинять истории о «Бродячих кошках», в общем-то, они мне уже больше не были нужны.

Неприятности начались примерно через месяц. Битси вдруг сказала:

— А ты будешь учить меня играть на барабанах? Мне так хочется!

В животе у меня екнуло, и я почувствовала, что волосы начали тихо вставать дыбом. Но ответила я очень спокойно, таким безразличным голосом:

— А, вот что... Я совсем забросила барабаны. Кроме того, я играла на слух и вряд ли смогу учить тебя по-настоящему.

Господи, кому же Карен разболтала?! Я ведь просила ее никому не рассказывать! А если попросить еще раз? Это, конечно, покажется ей подозрительным, но если все узнают, что я наврала? Надо мной же все будут смеяться! Все будут тыкать в меня пальцами, говорить, что я вруша и дура...

В тот вечер я встретилась с Карен на катке. Она увидела меня издали и крикнула:

— Эй, Рифф!

Ну зачем я все это затеяла?

— Карен,— сказала я как можно спокойнее,— я же тебя просила никому о моей группе не рассказывать. Я же тебя просила. Вряд ли здесь это поймут.

Она смотрела на меня с опаской:

— Понимаешь, Клер, некоторые уже об этом знают,— она перевела дыхание.— Донни (это ее младший брат) подслушал наш разговор по телефону. Он замотал параллельную трубку полотенцем, чтобы я не слышала, как он сопит. Он доложил маме о наших планах, о том, что мы хотим уехать к Тайгер. Родители, конечно, разволновались. Если честно, когда они узнали, что мы вместе идем на каток, они не хотели меня пускать. Моя мама собирается позвонить твоей маме.

Я люблю кататься на коньках, мне нравится скользить по льду, чувствовать, как холодный воздух обдувает лицо, слушать музыку. Но в тот вечер мне казалось, что в ботинки залит свинец. Я была уверена, что все на меня смотрят, и так и слышала их разговоры: как это у такой зануды и тихони могло быть столь бурное прошлое?

Дальше — больше. Карен сообщила, что истории о «Бродячих кошках» рас-

ползлись по всей начальной школе, где учится Донни. А скоро они неминуемо доберутся до нашей школы.

Надо было искать пути к отступлению. Я сказала Карен, что получила письмо от Тайгер — наш переезд к ней совершенно невозможен, так что о возрождении группы и говорить нечего.

После уроков ко мне подошла Кристи Уилхейм:

— Тебя зовут Клер Филлипс, не так ли? И ты играешь в рок-группе?

Не дожидаясь ответа, она продолжала:

— В пятницу у нас будет дискотека. Я — член организационного комитета. У комитета нет денег заплатить тебе и твоим музыкантам, но ведь это отличная возможность показать себя, не так ли?

Показать себя! Вот именно. Я сказала, что поговорю с девушками и сообщу ей о результатах.

— Я позвоню вечером! — крикнула она мне вслед.

— Касси пожаловалась маме, что ты плохо на меня влияешь,— недовольно произнесла Битси, прервавшись на середине упражнения.— Она говорит, что у тебя на уме только твоя группа. А мама сказала, чтобы она перестала сплетничать и что ты производишь очень приятное впечатление. Но, по-моему, она собирается позвонить твоей маме.

— Что-то ты сегодня как в воду опущенная. Устала? — спросила после обеда мама.— В последнее время у тебя чересчур много дел — преподавание, занятия в школе, подготовка к выставке акварели. Тебе не кажется, что ты слишком много на себя взвалила?

Она слегка отодвинула стул, как всегда, когда хотела поговорить со мной по душам. Интересно, ей уже позвонили?

— Клер, мне надо поговорить с тобой,— она внимательно смотрела на меня.— Я знаю, что с тех пор как мы переехали в Хиллсборо, я слишком много времени проводила в колледже. Но... Дело в том, что я познакомилась с одним человеком.

Познакомилась с одним человеком?

— Это мистер Грэхем, заведующий кафедрой английского языка и литературы... И я, ну, в общем, я встречаюсь с ним...

Встречается?

— Поэтому-то я позже обычного возвращалась с работы. Я ничего тебе не говорила, потому что не хотела, чтобы на тебя сразу обрушилось так много событий. Но сейчас... Одним словом, мы решили, что пора посвятить тебя в наши планы. Может быть, мы поженимся.

Поженитесь?

Я теряла своего последнего друга, и как раз в тот момент, когда нуждалась в нем больше всего! И тут зазвонил телефон.

Мама взяла трубку, лицо ее стало тревожным. Разговор длился несколько минут, а потом она подошла ко мне, и во взгляде ее было недоумение:

— Звонила мама Карен. Донни сказал ей, что вы с Карен собираетесь уехать в Риджвуд. Говорит, что ты разъезжала там в каком-то красном фургоне. Еще она упомянула твоих подруг... Как же она сказала... Да нет, это не могут быть настоящие имена! Тигр, Зеленый Боб? — голос у нее был расстроенный.

Телефон зазвонил снова. После этого разговора вид у мамы был совсем растерянный:

— Звонила девушка по имени Кристи. Сказала, что ты должна сообщить ей, согласна ли твоя группа выступать в пятницу на дискотеке.

Не успела она окончить фразу, как телефон ожил в третий раз.

Я схватила трубку первой.

— О, миссис Тиндалл! Мама еще в колледже. Да, вернется примерно через час. Сказать ей, чтобы она вам перезвонила?

Прекрасно, еще одна ложь!

— Клер, по-моему, пора объяснить, что все это значит.

И я рассказала ей все, с самого начала: о том, как одиноко мне было в Хиллсборо, как я скучала по старым друзьям — настоящим друзьям, как казалось, что я никогда не сойдусь с новыми девочками. А потом пересказала — насколько могла припомнить — все похождения «Бродячих кошек».

— Что ж, ты отличная сказочница,— вздохнула мама, когда я окончила свою печальную повесть.

— Зато теперь все узнают, что это всего лишь сказки! Мне больше никто никогда не поверит, и никто не захочет со мной дружить!

— В этом-то и есть главная проблема вранья!.. Прости, я была слишком занята собой,— голос у мамы дрогнул, но она овладела собой и заговорила, как обычно, ровно.— Мне и в голову не приходило, что ты можешь быть так одинока и несчастна. Мне очень жаль, Клер. Конечно же, новая школа, новые люди — это всегда очень тяжело... В общем, я думаю, настало время забыть о... Какой там был у тебя сценический псевдоним? Рифф? Да, надо забыть о Рифф и немного подумать о Клер. Пусть сама Клер станет замечательной личностью!

Она провела ладонью по лбу — она всегда так делала, когда бывала чем-то расстроена:

— Ну что ж, теперь ты знаешь, какие могут быть последствия. Давай считать, что ты усвоила урок. И я верю, что ты больше никогда так не поступишь.

Снова зазвонил телефон.

— Один друг у тебя все же есть,—сказала мама, вернувшись.— Битси Тиндалл и слышать не хочет о другой учительнице. Я сказала миссис Тиндалл, что слухи о твоей группе сильно преувеличены. Правда, не уточнила кем. И еще я сказала, что все это позади. Думаю, тебе следует поступить так же. Если кто-то спросит тебя, скажи, что группа осталась в прошлом. И больше ничего не объясняй. Люди долго такое помнят, Клер, и понадобится много времени, прежде чем они тебе поверят снова.

— Битси говорит, что твоя мама снова выходит замуж, а у твоего отчима — сыновья-близнецы,— сказала миссис Тиндалл. В голосе ее звучало вежливое недоверие.

— Да, миссис Тиндалл. Им по шесть лет, и они такие шумные! Это так непривычно — мы же с мамой всегда жили вдвоем!

— Вероятно,— скептически согласилась она.

— Касси говорит, что ты сможешь утихомиривать близнецов рассказами о группе,— заявила Битси во время следующего урока. Она внимательно смотрела на меня.— Не понимаю, неужели так трудно поверить, что у кого-то могут быть близнецы?

— Говорят, ты переезжаешь в Хантингтон-хиллс? — переспросила Карен (мы с ней уже помирились).

— Да. И я очень рада. Дом большой, всегда можно найти место, чтобы спрятаться от близнецов.

— Хватит, Клер! Близнецы? Да я поверю в них, только когда увижу собственными глазами.

— Я слышала, твоя мать выходит замуж за мистера Грэхема? — произнесла, наткнувшись на меня в коридоре, Кристи Уилхейм.

— Сообщение об этом будет в воскресной «Хронике».

— Ну что же, специально пролистаю всю газету!

Только все это было правдой. Мама вышла замуж за мистера Грэхема, и сейчас мы живем в Хантингтон-хиллс — мама, отчим, близнецы Тревор и Тейлор, наша собака Ириска, длиннохвостый попугай Лулу, два хомяка, которым близнецы каждую неделю дают новые имена, и я. В это Рождество у нас будет большой семейный ужин, на который съезжаются родственники мамы и мистера Грэхема со всей Америки. Мама по-прежнему преподает историю в муниципальном колледже, там же работает мой отчим. Я по-прежнему хожу в школу в Хиллсборо и по-прежнему даю уроки Битси Тиндалл и еще двум ученикам. У меня появилось много друзей. А на выставке моя акварель получила первый приз, и мистер Уинклер говорит, что мне стоит всерьез подумать о художественном колледже.

Но я понимаю, что все это звучит как новое вранье.

Перевел с английского
С. КАСТАЛЬСКИЙ

КОНКУРС

молодых переводчиков английской поэзии

В этом номере на стр. 24 мы представили вам рассказ — победитель конкурса, объявленного среди своих читателей американским журналом «Тин». Надо сказать, что конкурсы молодых литераторов тоже теперь становятся в «Ровеснике» традиционными — наши читатели помнят конкурс молодых переводчиков английской поэзии, который мы проводили в 1989 году. После этого мы получили множество писем с просьбой продолжить эту практику.

И вот — новое задание. Эти стихи написаны английскими школьницами, победительницами «Национального соревнования детей-поэтов», устроенного журналом «Обзервер» (конечно, в состязании участвовали и школьники, но так уж вышло, что победили девчонки). Участники были разделены по трем возрастным группам: до 10 лет, от 11 до 14 и от 15 до 18 лет. Мы не предъявляем строгих требований к возрасту наших конкурсантов, но напоминаем, что в прошлом соревновании победителями все-таки стали тоже школьники — москвичка Юля Флягина и Андрей Чиганов из Волгограда. Напоминаем и о призах — ими была публикация в журнале и подписка на «Ровесник» (что в условиях растущих цен на подписку тоже может стать стимулом).

Для того, чтобы мы успели опубликовать в конце года результаты, просим вас отправлять ваши переводы не позднее 1 июля в конвертах с пометкой «На конкурс».

И маленькая подсказка: пожалуйста, обратите внимание на место рождения Керри Карсон — Белфаст. Знание ситуации в Северной Ирландии поможет вам постичь образный строй стихотворения.

Керри КАРСОН, 15 лет, Белфаст, Северная Ирландия

MOURNE

Mourne country. Under
Chimney Rock,
they cut the granite
block by block.

Mourne country. When
a neighbour dies
he chops the mountains
down to size.

Mourne country. Half a
parish sent
its contours for a
monument.

Mourne country. On the
broken bones
we pile the hills for
symbol stones.

Mourne country. Daily,
chink by chink,
the tombs rise and the
mountains sink.

Mourne country. Will
we soldier on
till all our Commedaghs
are gone?

Mourne country. We
have graves to make.
How many Binnians
will it take?

NB: Tombstones are made in Mourne. Binnian and Commedagh are hills.

Грейс ТРИННАМЕН, 8 лет, Нью-Хамберсайд

THE BIRTH OF LIGHT

With a blink, a shimmer and a
CRACK!
A dazzling brightness burst into the
world
«It is my death», cried Darkness
But he saw a reflection in a far lake
«Ahh, it is a beautiful death», he sighed
And so, it came to pass that light was
a gift to the world.

Light is like a cherub being born
Or cool as the spangling stars
That give way to the blazing brass sun
It is the red pinpoint of a guttering
match.

Light is the shine on a rosy apple
It is the multi-coloured stream
Running down the cold walls of a
cathedral
Or a shaft of green cast through trees
into a clearing
A delicate orchid in a dank wood.

The mystic sheen of ghosts is
shiver-casting
Eerie as the glow of St Elmo's fire
that haunts sailors
The ghastly glint of steel is the light of
destruction
And up rises Darkness again.

на стр 29▸

Необязательные Советы

О ЗАСТЕНЧИВОСТИ

Джанет ЛИН,
английский психолог

Вы замечали, что некоторые идут по жизни, широко улыбаясь? Стесняться незнакомцев? Ну уж нет, это не для них! Бояться постоять за себя? Да никогда! Но есть и другие: они жмутся к стеночкам, всего смущаются, краснеют и вздрагивают, если с ними — не дай Бог! — заговорит кто-то незнакомый. Большинство из нас относится к третьей группе — мы где-то между. Но и нам свойственны приступы стеснительности. Если вам хочется чувствовать себя более уверенными и не теряться в неожиданных ситуациях, возможно, вам помогут следующие советы...

ВЫ УСТРАИВАЕТЕСЬ НА РАБОТУ

Боитесь, верно? Беседа с будущим шефом всегда была, есть и будет событием малоприятным. Чтобы пройти через нее без особых моральных затрат, надо хорошенько подготовиться к разговору. Прежде всего постарайтесь узнать как можно больше о своем будущем месте работы и об обязанностях, которые придется выполнять. И своими точными вопросами вы произведете впечатление человека хорошо информированного и ответственного. А сознание того, что вы неплохо «подкованы», придаст вам уверенности. Но не зарывайтесь: не будьте слишком самонадеянны.

Подумайте о своем внешнем виде: каждый чувствует себя увереннее, если знает, что выглядит хорошо. Одежда должна быть чистой, аккуратной, ботинки вычищены, прическа не должна создавать нерабочего настроения. А девушкам не стоит слишком злоупотреблять косметикой. Увы — и с этим фактом придется считаться! — очень многие начальники не любят, когда девушки приходят на деловые переговоры в брюках, поэтому наденьте юбку и блузку (но очень деловую!).

Сидите прямо и смотрите человеку, разговаривающему с вами, в глаза. Главное: слушайте, что вам говорят, и думайте, прежде чем ответить. А когда отвечаете на вопрос, не бубните себе под нос.

И последнее — старайтесь в любой ситуации не терять присутствия духа и улыбайтесь: никому не хочется брать на работу человека с кислым выражением лица.

ПЕРВЫЕ ДНИ

Быть новичком всегда трудно: это еще никому и никогда просто так не давалось. Кажется, что все только на вас и смотрят — между прочим, бывает, что действительно только на вас и глазеют. Вы и так ни в чем не уверены, а уж запомнить имена всех сотрудников... Никогда! Если вас куда-то направили, а вы не знаете, как туда пройти, не бойтесь, спросите дорогу у коллег или начальника. В этом нет ничего постыдного. Они будут только рады помочь, потому что это часть их работы — помогать вам войти в дело.

Насчет имен: не пытайтесь запомнить имя каждого из коллег — есть масса более серьезных вещей, которые вам предстоит запомнить. Если вы забыли чье-то имя, а необходимо обратиться именно к этому человеку, подойдите к нему и прямо скажите, глядя ему в глаза: «Извините, я забыл, как вас зовут». Ну что может быть проще?

Будьте дружелюбны со всеми, но не ведите себя приниженно — помните, вы имеете такое же, как и остальные, право находиться здесь. Если же вы будете вести себя излишне самоуверенно, то наживете себе больше врагов, чем друзей. И не беспокойтесь: никто и не ожидает, что вы в первый же день проявите свои незаурядные способности!

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

И снова — успокойтесь и не переживайте попусту!

Во-первых, подумайте о своем внешнем виде: всегда лучше себя чувствуешь, если уверен (уверена), что выглядишь классно! Наденьте то, к чему привыкли, в чем чувствуете себя непринужденно,— совсем не обязательно новый костюм, платье или туфли.

Ну хорошо, оделись, выглядим прекрасно, а в душе-то что делается? Внутри все от страха сжалось. Что вы скажете друг другу при встрече? А что делать, если придется целоваться?!

Встретились, разговорились... Старайтесь придерживаться в разговоре знакомых тем — школа, книги, телевизионная программа (лучше — вчерашняя). Девушки, не забывайте общеизвестный факт: молодые люди обожают говорить о себе, а потому задавайте своим приятелям как можно больше вопросов о них самих, пусть говорят...

Как только вы начинаете говорить, а потом и совсем «разговоритесь», вы совершенно позабудете о своем смущении, и время промчится совсем незаметно. Поэтому, когда придет минута расставания, поцелуй будет совершенно уместен и естествен, как продолжение разговора. Честно, так и будет!

ОБЫКНОВЕННЫЕ ХИТРОСТИ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ СМУЩЕНИЯ

Встречаясь с незнакомыми людьми, разговаривая с ними, никогда не отводите взгляда, не разглядывайте свои ботинки или стену за спиной собеседника — это лишний раз подчеркнет ваше смущение.

Всегда старайтесь чувствовать себя так, будто вы прекрасно выглядите. Затратив немного усилий на свой внешний вид, вы будете спокойны.

Говорите медленно, не «тарахтите», если вас будут переспрашивать, вы сразу почувствуете себя не в своей тарелке.

Улыбайтесь! Улыбка располагает к себе окружающих, к тому же с приветливым человеком куда приятнее общаться, чем с мрачным типом, исподлобья взирающим на собеседника.

Если вы не знаете, как вести себя в какой-то ситуации, например, каким ножом пользоваться за столом (в таких случаях, бывает, чувствуешь себя крайне неловко, просто по-дурацки!), присмотритесь к тем, кто сидит рядом, и делайте то же самое, что и они.

Не сутультесь! Стойте прямо, держите голову высоко и смотрите в лицо окружающему вас миру! Тогда вы будете чувствовать, что вы владеете ситуацией, а не она вами.

Умейте постоять за себя. Если вам есть что сказать или вы хотите высказать свое недовольство — выскажите, но только очень сдержанно и спокойно. Не позволяйте отмахиваться от себя: с вами должны считаться. Но не влезайте в разговор, в который вас не приглашали.

Конечно, это все делается не сразу, но постепенно — непременно научитесь.

Перевела с английского
Н. ХРОПОВА

со стр 27 ▼

Эврил ХАСТОН, 13 лет,
Грейт Бэддоу, графство Эссекс

MILKING

When I was small, the Irish summers meant cows.

Their flanks reared up colossal in my squint-eyed toddler view,
Friesian White and glossy, hairy black,
Spotted with currant-like flies,
And, perched on knobbly-kneed legs, their sides
Heaving placidly as their jaws ripped apart the earth,
Sucking the dewy grass from its brown grasp.
Tagged ears glittered in the sun, and the thundery day was smooth and silent
Except for the grass screaming, and the clouds gasping in the sky.

Then evening slowly crept over the field,
Dragging its dark cloak over the sky,
Bringing the storm.
Lightning crackled brillianty, nightmare Christmas tree lights
Thunder was like the roar of an enraged beast
Filling my ears with a hissing rush of rain,
Icy, plump drops spattering the grass, more liberal than the dew.

The cows were in the milking shed, and I ran in to them —
Watched the silver spiders on their udders, sucking the live milk
Away — seething white like their haunches, I
Smelt feed in the bins in the hay-barn, felt
Comforting warmth of cow near me.
An electric lullaby soothed me,
Drowning out the lightning and harmonising with the thunder.
A cow near me blinked and waggled her long eyelashes at me.
I craned to see her ear-tag. She was called C17.

КОНКУРС МОЛОДЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

ЖАН-КЛОД ВАН ДАММ МЕНЯЕТ ХАРАКТЕР

Поклонники этой новой звезды «кино боевых искусств» уже достаточно хорошо знают биографию своего любимца: родился в Бельгии, 30 лет, чемпион Европы по каратэ. «Мои конкуренты — это Брюс Уиллис, Арнольд Шварценеггер и Сильвестр Сталлоне — так говорит о своей достаточно удачной кинематографической судьбе Жан-Клод Ван Дамм (хотя иные и могут упрекнуть его в бахвальстве).— Но актеры, с которыми я мечтал бы работать и к уровню которых я мечтаю приблизиться — это Джек Николсон, Аль Пачино и Роберт Де Ниро». И вот это уже заявка достаточно серьезная.

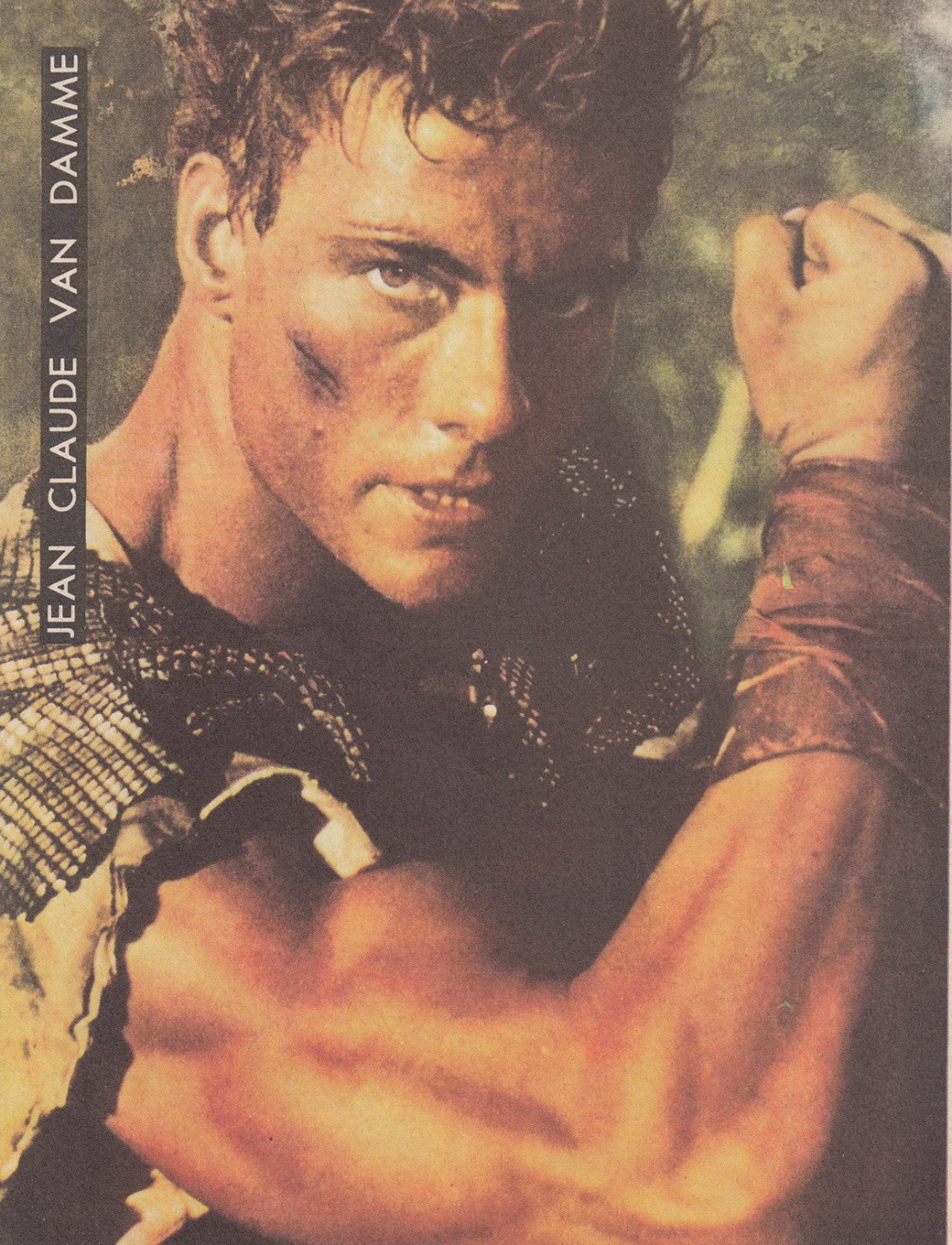
Те, кто внимательно следит за творчеством актера, пожалуй, уже заметили в нем это стремление выйти на иной уровень, что, пожалуй, не характерно для того жанра, в котором он работает. Потому что герои, скажем, Брюса Ли, Чака Норриса и Джеки Чена во всех своих фильмах оставались героями, а Ван Дамм уже в начале своей карьеры решился на роль антигероя — вспомните «Не отступать и не сдаваться!». И хотя тот его антигерой казался злодеем, будем откровенны, примитивным (впрочем, в этих фильмах полутонов, как правило, и не существует: добро побеждает зло, и точка), подобный шаг требовал определенной смелости от молодого актера, только начинавшего приобретать свой имидж.

Фильмы с Ван Даммом, хотя и вполне «кассовые», из той породы, на которые много денег не тратят, а это — тоже показатель. Потому что престиж многих голливудских фильмов определяется еще и затратами на его производство и рекламу, художественное качество — уже совсем другой вопрос. А предыдущие фильмы с участием Ван Дамма продюсировали люди отнюдь не из «первой десятки» — красивый парень, пластичный, великолепный спортсмен, что еще для «мальчукового» кино нужно? Да и на рекламу много не тратились — Ван Дамм сам отправился в Англию рекламировать свой последний фильм «Самоволка» (известный еще и под названием «Львиное сердце»)— кстати, фильмы о боевых искусствах, хорошо идущие в Америке и Европе, не очень почему-то популярны на Британских островах.

Но вот продюсировать его новый фильм «Двойное воздействие» (это пока что рабочее название), где Ван Дамм играет сразу две роли — братьев-близнецов, полярно отличающихся по характерам и взглядам на жизнь, взялся не кто иной, как Майкл Дуглас. Он ведь знаменит не только как актер, но и как продюсер — вспомним, что именно он был продюсером «Полета над гнездом кукушки». Однако и «Двойное воздействие», и «Разрешение на смерть», и «Универсальный солдат» — последние работы актера — остаются в рамках избранного жанра боевиков.

Майкл Дуглас «взялся» за Ван Дамма именно после «Самоволки». «Это был первый фильм, в котором со мной работали как с настоящим актером,— говорит Ван Дамм.— Ведь, честно говоря, в предыдущих «низкобюджетных» фильмах режиссеры со мной даже не репетировали — просто перед началом съемки очередного эпизода мне говорили, что именно я должен делать, ну а уж по части боев мне и говорить ничего не надо было. Тем более, что все эти сцены я ставил сам. Но на этот раз со мной репетировали! Я впервые почувствовал уважение к себе как к актеру. Да и сюжет мне в достаточной степени близок: герой встает на защиту своей семьи — а я очень «семейный» человек и сделаю все для своей жены и дочки. Я, как и он, в свое время нелегально приехал в США — то есть жил здесь без «зеленой карты», дающей право на временное гражданство и на работу. Когда я решил стать актером, я просто отправился в Голливуд и подрабатывал здесь вышибалой и инструктором по самообороне... Короче, этот фильм — новый шаг в моей судьбе».

П. ВАГИНА

JEAN CLAUDE VAN DAMME

МОЛОДЫЕ РУЖЬЯ-II

YOUNG GUNS II

США. 1990 г. 1 ч 41 мин. Реж. Джофф Мерфи. В главных ролях: Эмилио Эстевес (Билли-Кид), Кифер Сазерленд (Док), Лу Даймонд Филлипс (Чавес), Кристиан Слейтер, Уильям Петерсен, Джеймс Коберн, Балтазар Джетти.

Оставшиеся от состава первых «Молодых ружей» Билли-Кид, Док и Чавес вновь скачут по Дикому Западу. Но этот Дикий Запад выглядит уже несколько иначе, чем в первом фильме — здесь и безжалостные скотопромышленники, и коррумпированные правительственные чиновники, и закон, который можно трактовать и так и эдак.

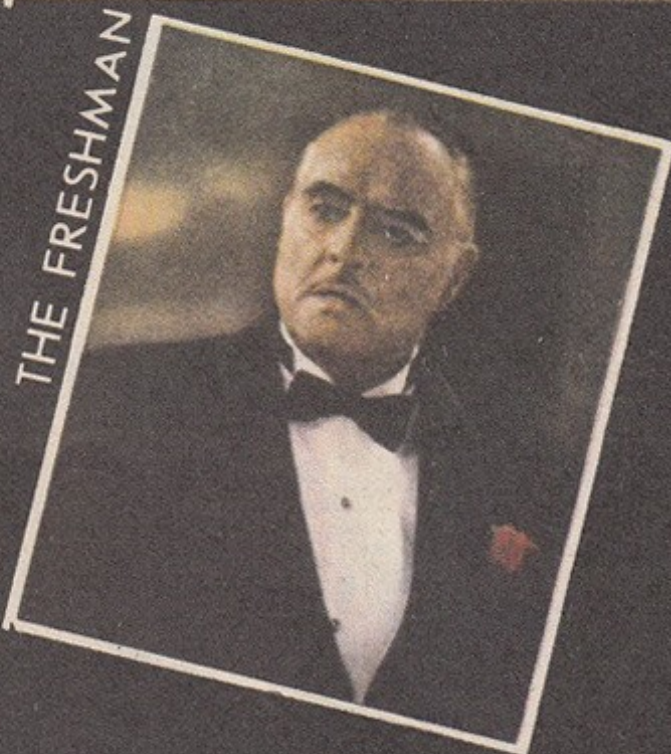
Губернатор Нью-Мехико Ли Уоллас (такой человек существовал в действительности — более того, он автор нашумевшего романа «Бен-Гур») обещает Билли-Киду прощение старых грехов, если он даст показания на своих товарищей. Но законник оказывается еще более злостным нарушителем закона, обманывает героя, и тот с «сотоварищами» начинает сражение за справедливость.

США. 1990 г. 1 ч 42 мин. Реж. Эндрю Бергман. В главных ролях: Марлон Брандо (Кармине Сабатини), Мэтью Бродерик (Кларк Келлог), Бруно Кирби (Виктор Рэй), Пенелопа Энн Миллер.

Настоящая «гангстерская комедия», в которой впервые после долгого перерыва снялся Марлон Брандо.

Молодой человек Кларк Келлог приезжает в Нью-Йорк, и в первый же день у него крадут всю наличность. Обратиться к отцу он не может — тот помешан на защите дикой природы и на дела человеческие ему наплевать, и молодой человек принимает предложение некоего Виктора Рэя (который, как выясняется, и украл его деньги). А тот передает его на руки своему дядюшке, гангстеру Кармине Сабатини. Марлон Брандо в гриме «Крестного отца» пародирует свою собственную роль в том знаменитом фильме.

THE FRESHMAN

НОВИЧОК

BLUE STEEL

ГОЛУБАЯ СТАЛЬ

США. 1989 г. 1 ч 42 мин. Реж. Кэтрин Биджелоу, сцен. Кэтрин Биджелоу и Эрик Рид, комп. Брэд Фидел. В главных ролях: Джейми Ли Кертис (Мигэн Тернер), Рон Силвер (Юджин Хант), Клэнси Браун (Ник Мэнн) и др.

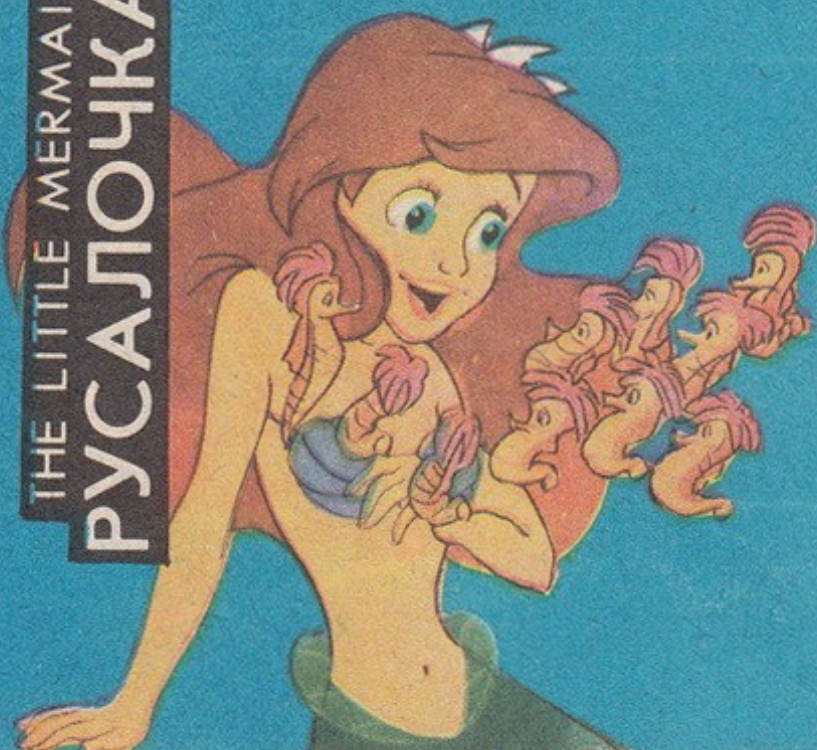
Эдакий феминистский боевик. Героиня, Мигэн Тернер, становится полицейским и всячески борется за то, чтобы к ней относились как к настоящему мужчине. Но вот незадача: она влюбляется в добропорядочного и высокооплачиваемого служащего, который на самом деле оказывается преступником-маньяком. Долг борется с чувством, но вскоре побеждает, и героиня начинает охоту на возлюбленного преступника. В пересказе сюжет как-то не звучит, но фильм сделан мастерски и смотрится с напряжением. А те, кто помнит злобную медсестру из «Полета над гнездом кукушки», с удивлением узнают в матери героини подобревшую и раздобревшую актрису Луизу Флетчер.

167

ДИКОЕ СЕРДЦЕ
WILD AT HEART

США—Канада. 1990 г. 2 ч 8 мин. Реж. Дэвид Линч. В главных ролях: Николас Кейдж (Рипли), Лаура Дерн (Лула), Виллем Дафо (Бобби Перу), Дайана Лэдд (Мариетта), Изабелла Росселлини и др.

Фильм — победитель последнего фестиваля в Каннах продолжает тему, уже заявленную в предыдущих работах канадского режиссера Дэвида Линча «Голубой бархат» и «Двойные вершины» — исследование потаенных темных черт души. Вышедший из тюрьмы моряк Рипли, человек с достаточно психопатическими наклонностями, влюбляется в девушку по имени Лула, и она бежит с ним из дома. Мать Лулы (актриса Дайана Лэдд и в реальной жизни является матерью Лауры Дерн) посылает им вдогонку сначала частного детектива, затем своего старого дружка, гангстера. Сами же герои встречаются со многими непонятными и не совсем приятными людьми (одного из них играет прекрасный актер Виллем Дафо).

РУСАЛОЧКА
THE LITTLE MERMAID

США. 1990 г. 1 ч 22 мин. Реж. Джон Маскер и Рон Клементс. Роли озвучивали: Джоди Бенсон, Кристофер Дэниел Барнс и др.

Все, кто помнит сказку Андерсена, помнят и ее печальный конец. Но все, кто знает продукцию студии Уолта Диснея, понимают, что печальных концов в этих фильмах быть не может. Да, и взрослые и дети пролили немало слез на «Бэмби», но все равно все знали, что конец будет счастливым. Так получилось и на этот раз.

Несмотря на то, что финал выглядит довольно неубедительным, сам фильм смотрится превосходно. Впрочем, марка есть марка!

СВАДЬБА БЕТСИ
BETSY'S WEDDING

США. 1990 г. 1 ч 34 мин. Реж. и сцен. Алан Алда. В главных ролях: Алан Алда (Эдди Хоппер), Молли Рингуолд (Бетси Хоппер), Джой Бишоп, Мэделайн Кан, Кэтрин О'Хара, Олли Шиди, Берт Янг и др.

Бетси хочет, чтобы свадьба ее была простой и скромной. Но папа — из тех, кто вечно по уши в долгах,— настаивает на пышной церемонии: как же, он не хочет ударить в грязь лицом перед будущими родственниками, которые не стеснены в средствах. И папа, ради будущего счастья дочери, несется вперед на всех парусах и влипает в неизбежные неприятности.

Милая комедия, не такая уж высококачественная, но вполне приемлемая для нашего экрана — как укор иным нашим родителям, устраивающим из свадеб детей черт-те что!

ЦЕНА 50 КОП.
ИНДЕКС 70781